

ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ИЗДАНИЕ

WALTER SCOTT

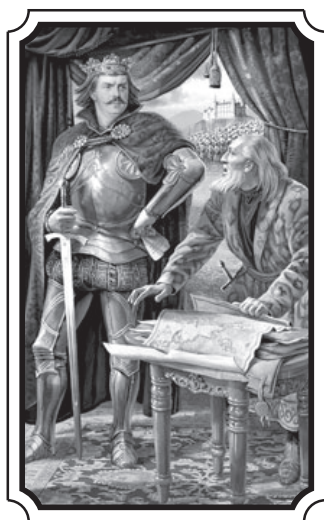
ANNE OF GEIERSTEIN OR
THE MAIDEN OF MIST

Illustrations by M. Dunki

ВАЛЬТЕР СКОТТ

КАРЛ СМЕЛЫЙ, или Анна Гейерштейнская, Дева Мрака

ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ИЗДАНИЕ

Рисунки М. Данки

Издательство АЛЬФА-КНИГА
Москва, 2014

УДК 821.161.1
ББК 84.(Англ.)6-5
С44

Перевод с английского

Рисунок на переплете

С. А. Григорьева

Скотт Вальтер

С44 Карл Смелый, или Анна Гейерштейнская, Дева Мрака/
Пер. с англ. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА»,
2014. — 536 с.: ил.— (Иллюстрированное издание).

ISBN 978-5-9922-1788-9

«Карл Смелый» — роман знаменитого мастера историко-приключенческого жанра классика английской и мировой литературы сэра Вальтера Скотта (1771—1832), рассказывает о «последнем рыцаре европейского двора» Карле Смелом, герцоге Бургундском, необузданном гордце, противнике абсолютной монархии, и его заклятом враге — французском короле Людовике XI.

В политическое противостояние вовлечены отец и сын графы Оксфорд, путешествующие по Швейцарии инкогнито под фамилией Филипсон с тайной миссией.

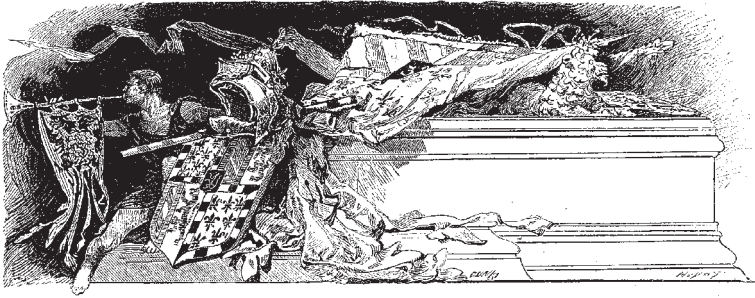
Их путешествие полно опасностей и славных подвигов. Рыцарские турниры, масонские заговоры, заключение в башню смерти — это лишь малая часть приключений, сопутствующих их странствию по загадочной горной стране. Но главным призом для молодого англичанина будет любовь непредсказуемой швейцарской девушки — Анны Гейерштейнской, прозванной Девой Мрака...

В издании воспроизводится полный комплект из 152 иллюстраций М. Данки.

УДК 821.161.1
ББК 84.(Англ.)6-5

ISBN 978-5-9922-1788-9

© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2014

Часть первая

*Как! Неужель Ланкастеров знаменитый род
Угаснет навсегда?*

ГЛАВА I

Почти четыреста лет прошло с тех пор, как случилось все то, о чем пойдет речь в следующих главах. Летописи, на страницах которых излагалась история и которые могли бы служить доказательством ее истинности, долго хранились в славной библиотеке Сен-Галленского монастыря, но погибли вместе со многими другими рукописями, составлявшими сокровищницу этой обители, при разграблении оной французскими революционными войсками. События сей повести относятся к середине XV века — к великой эпохе заката рыцарства, последним лучам которого суждено было вскоре угаснуть: в иных землях вследствие учреждения вольных правительств, а в других — в результате действий самодержавной власти, которые сделали бесполезным посредничество этих защитников справедливости, не имевших в своем распоряжении других средств, кроме своего меча.

Еще совсем немного прошло времени с тех пор, как Франции, Бургундии и Италии, а в особенности Австрии довелось познакомиться с нравами народа, о существовании которого они прежде едва имели понятие. Конечно, обитатели стран, граничащих с Альпами, этой великой стеной, знали, что, несмотря на дикий и пустынный вид, уединенные долины, лежа-

щие между исполинскими хребтами, питают племя охотников и пастухов, которые, живя в первобытной простоте, в поте лица добывают себе земледелием хлеб насущный, гоняются за дичью по неприступным скалам и дремучим сосновым лесам или пасут стада везде, где только может найтись для них скудная пища, даже среди вечных снегов. Но существование такого народа, или, лучше сказать, нескольких жалких племен, вынужденных в тяжких трудах влачить самое жалкое существование, казалось государям соседних богатых и могущественных держав весьма незначительным. Тучное стадо, что пасется на плодородном лугу, с таким же презрением относится к голодным сернам, которые находят себе скудное пропитание среди утесов, окружающих его богатые пажити.

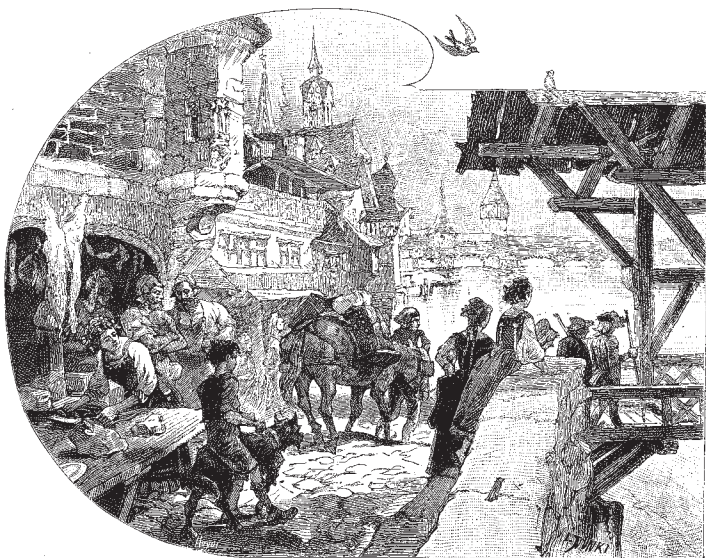
Однако на этих горцев обратили внимание и стали внимательно присматриваться к ним примерно в середине XIV столетия, когда повсюду разнеслись слухи о жестоких битвах, в которых германские рыцари, желавшие усмирить своих мятежных вассалов, потерпели от последних несколько кровавых поражений, несмотря на численное превосходство, воинскую дисциплину и более совершенное вооружение. Весьма удивительным было, что конница, составлявшая главные силы феодальных армий, была опрокинута пехотой; что воины, с головы до ног облаченные в стальные доспехи, были побеждены людьми, не носившими никакого защитного снаряжения и как попало вооруженными копьями, секирами и дубинами. Сверх того, казалось немыслимым, что рыцари и дворяне могли быть разбиты крестьянами и пастухами. Но неоднократные победы, одержанные швейцарцами под Лаупеном, Земпахом и в других, менее знаменитых, битвах, ясно свидетельствовали о том, что в Гельветии зародились новые начала гражданского устройства и военной науки.

Решительные успехи, способствовавшие утверждению независимости Швейцарских кантонов, равно как и непоколебимость и благоразумие, с которыми участники этого небольшого союза противостояли Австрии, прославили их в соседних землях. Однако, хотя и чувствуя свою силу, закаленную многими победами, до середины XV столетия и даже еще позже швейцарцы продолжали сохранять большую часть достоинства, умеренности и простоты, свойственных им от природы; так что те, кому во время войны вверялось руководство войсками республики, имели обыкновение в мирное время снова браться за пастуший посох, оставляя жезл повелителя, и, как бы высоко их ни возносили собственные таланты и глас отечества,

подобно римским властителям, демонстрировали совершенное равенство со своими гражданами.

Итак, действие нашей повести начинается в лесных кантонах Швейцарии осенью 1474 года.

Два путешественника — весна жизни одного из них давно миновала, а другой был, по-видимому, не старше двадцати двух или двадцати трех лет — провели ночь в Люцерне, главном городе кантона с тем же названием, расположенном на живописнейшем берегу Фирвальдштетского озера. Одежда и манеры путников выдавали в них первостатейных купцов, и между

тем как сами они шли пешком, что в этих гористых местах считалось удобным способом передвижения, молодой крестьянин с итальянской стороны Альп следовал за ними с навьюченным лошаком, большую часть времени ведя того под узды и лишь изредка садясь на него верхом.

Путешественники были очень благовидной наружности. По-видимому, их соединяли узы ближайшего родства — вероятно, это были отец с сыном, ибо почтительность и уважение, оказываемые младшим по отношению к старшему во время их пребывания в маленьком трактире, где путники остановились на ночь, не укрылись от внимания местных жителей, которые, подобно всем живущим вдали от света, были столь же любо-

пытны, сколь ограничены в средствах узнавать новости. Посетители трактира также заметили, что купцы под предлогом спешки отказались развязать свои тюки и вести торг с люцернцами, объяснив это отсутствием приличных товаров для продажи. Женщины небольшого городка тем сильнее досадовали, что, по их догадкам, скрытность купцов была следствием дороговизны вещей, которые они везли и на которые не надеялись найти покупателей в горах Швейцарии: через провожатого удалось узнать, что чужестранцы были в Венеции и накупили там множество богатых товаров, которые из Индии и Египта привозят в этот знаменитый город, служащий общим торжищем всему Западу, и которые оттуда развозят по всем уголкам Европы. Молодые швейцарские девушки недавно открыли, что богатые ткани и драгоценные камни очень приятны для глаз; и хотя они не надеялись приобрести эти украшения, но ощущали естественное желание хоть взглянуть на дорогие товары приезжих купцов, и лишение сего удовольствия их крайне огорчало.

Также не осталось незамеченным, что иностранцы эти, хотя и были довольно вежливы в обхождении, не старались, однако ж, понравиться, как это свойственно ломбардским и савойским разносчикам и торговцам, иногда заезжавшим в эти края, — особенно часто с тех пор, как, вследствие одержанных побед, у швейцарцев появились некоторые доходы и обнаружались новые потребности. Все эти странствующие купцы были учтивы и услужливы, как того требовало их ремесло, тогда как вновь прибывшие казались людьми, вовсе не заботившимися о своем торге или, по крайней мере, о выручке, которую они могли сделать в Швейцарии.

Любопытство сверх того возбуждалось еще и тем обстоятельством, что путешественники разговаривали между собою на неизвестном языке, который не был ни немецким, ни итальянским, ни французским. Один старый служитель трактира, доезжавший когда-то до Парижа, предположил, что это английский; об англичанах же знали только, что они — гордые островитяне, с давних времен воюющие с французами, что многочисленное их войско некогда вторглось в лесные кантоны, но было разбито в Рюсвельской долине, о чем еще очень хорошо помнили люцернские старики, слышавшие предание от своих отцов.

Молодой человек, сопровождавший иностранцев, был, как скоро выяснилось, уроженец Грауббиндена и служил им проводником, насколько ему позволяло знание горной местности. Он рассказывал, что купцы намерены были отправиться в Ба-

зель, но желали ехать туда проселочными и малолюдными дорогами. Все перечисленные обстоятельства еще более усилили всеобщее любопытство и желание узнать подробнее о путешественниках и их товарах. Однако ж ни один тюк не был развязан, и купцы, оставив Люцерн на другой день утром, продолжили опять свое странствие, отдав предпочтение дальнему пути и дурной дороге, проходившей через мирные Швейцарские кантоны, желая избежать притеснений и грабительства со стороны германских рыцарей, которые, подобно владетельным государям, воевали каждый по своему произволу, собирая дань и пошлины со всех, кто проезжал через их владения в одну милю шириною.

Выехав из Люцерна, наши странники в течение нескольких часов благополучно продолжали свой путь. Дорога была крута и трудна, но в то же время она поражала взоры великолепными видами: скалистые ущелья, зеленые лощины, величественные озера и стремительные потоки, какие во множестве можно встретить и в других горах, соседствовали здесь с живописными ледниками, составляющими исключительную особенность Швейцарских Альп.

В те времена красота и величие мест не производили глубокого впечатления на ум путешественника или туземного жителя. Для последнего самые живописные виды казались обыкновенными, так как были неотделимы от его ежедневных привычек и дел; а первый, быть может, обращал более внимания на опасности дикой страны, через которую лежал его путь, и более заботился о том, как безопасно добраться до ночлега, чем восхищался великолепием видов, представляющихся ему по дороге к месту отдохновения. Однако ж купцы наши, продолжая свое путешествие, не могли остаться равнодушными к природе. Дорога то шла вдоль берега озера, по самому его краю, то, поднявшись на большую высоту по склону горы, вилась над пропастями, которые так же отвесно поднимались над водой, как стены замка — надо рвом, их защищающим. Время от времени путникам открывались более приятные картины: косогоры, одетые пленительной зеленью, уединенные долины с широкими лугами и возделанными полями, быстрые ручейки, которые, извиваясь, бежали среди небольших деревушек с готическими церквями с колокольнями, орошали холмы, поросшие виноградом, и с веселым журчанием наконец впадали в озеро.

— Этот ручей, Артур, — сказал старший из путешественников, когда они остановились, чтобы полюбоваться одним из таких видов, как я только что описал, — походит на жизнь добродетельного и счастливого человека.

— А этот ручей, что так стремительно низвергается с горы, означая путь своей белой пеной, — спросил Артур, — с чем он имеет сходство?

— С жизнью храброго и злополучного человека, — отвечал ему отец.

— Я выбираю себе долю потока, стремительному течению которого не может противиться никакая сила, — сказал Артур, — хотя падение его будет столь же кратко, сколь славно.

— Это мысль молодого человека, — возразил отец, — но я знаю, что она прочно укоренилась в уме твоём и что разве только жестокие несчастья могут ее исторгнуть.

— Она еще крепко держится в моем сердце, — отвечал ему юноша, — хотя мне кажется, что несчастье уже коснулось меня.

— Ты говоришь о том, сын мой, чего не разумеешь, — сказал отец. — Знай, что пока минет половина жизни, люди едва умеют отличать истинное благополучие от несчастья, или, лучше сказать, они принимают за дары фортуны то, что скорее должно бы считать знаком ее неблагоприятия. Взгляни на эту гору, мрачная вершина которой увенчана облаками, то поднимающимися вверх, то опускающимися, смотря по тому, как солнце действует на них своим теплом, будучи не в состоянии, однако ж, разогнать их — ребенок может увидеть в них венец славы, но взрослый человек знает, что это признак бури.

Артур проследил за взглядом своего отца, который был устремлен на мрачную, покрытую тенью вершину горы Пилаты.

— Неужели туман, носящийся над этой дикой горой, имеет такое дурное предзнаменование? — спросил молодой человек.

— Спроси у Антонио, — отвечал отец, — он расскажет тебе предание.

Артур обратился к молодому швейцарцу, служившему им проводником, желая узнать имя этой мрачной горы, которая величественно возвышается среди высоких хребтов, окружающих Люцерн.

Молодой поселанин, набожно перекрестясь, пересказал народное предание, согласно которому преступный иудейский проконсул окончил здесь свою нечестивую жизнь: после нескольких лет, проведенных среди пустынных ущелий гор, которые ныне носят его имя, он, более от отчаяния, чем от истинного раскаяния, бросился в страшное озеро, находящееся на главной их вершине. Продолжал ли дух Понтия Пилата являться в этих местах, где свершилось самоубийство, оттого, что вода отказалась принять тело изверга, или же потому, что оно утонуло, — этого Антонио не взялся объяснять. Но, по его сло-

вам, здесь часто видели человеческий образ, показывающийся из черных вод, и, когда это случалось, густой туман собирался сперва у подножия Адской горы (так она в старину называлась), а потом покрывал мраком всю ее вершину, что всегда предвещало скорую бурю или ураган. Антонио прибавил, что злой дух в особенности негодует на дерзость тех чужестранцев, которые поднимаются на гору лишь для того, чтобы видеть место «казни» проконсула, вследствие чего люцернские градоначальники запретили всякому приближаться к Пилатовой горе под страхом строгой кары. Окончив свое повествование, Антонио еще раз перекрестился. То же самое с присущей набожностью сделали и его слушатели, бывшие слишком ревностными католиками для того, чтобы сколько-нибудь усомниться в правдивости этой истории.

— Как проклятый язычник грозит нам! — воскликнул младший из англичан, между тем как облака темнели, собираясь над вершиной Пилатовой горы. — *Vade retro**. Мы не боимся тебя, грешник!

Начинавшийся ветер, который еще только было слышно, но нельзя было почувствовать, заревел вдали, подобно издыхающему льву, как если бы страдающий дух преступника принимал дерзкий вызов молодого англичанина. Вниз по бугристым склонам горы потянулись извилистые слои густого тумана, которые, пробираясь сквозь зубчатые расселины, походили на потоки лавы, стремящейся из жерла. Скалы, составлявшие стороны этих обширных ущелий, выставя из тумана остроконечные свои вершины, пронизывали черные облака, их окружавшие; разительнейший контраст этому мрачному и грозному зрелищу составляла отдаленная цепь Ригских гор, ярко озаряемая разноцветными лучами осеннего солнца.

Между тем как путешественники наблюдали эту, являвшуюся разительную противоположность картину, которая походила на готовящееся сражение между силами света и тьмы, проводник на языке, представлявшем собой смесь итальянского и немецкого, убеждал их идти поскорее. Деревня, в которую, по словам его, он хотел проводить наших путников, была еще далеко, а тропинка была дурна и с нее легко было сбиться. И если злой дух, прибавил он, взглянув на Пилатову гору и перекрестясь, покроет долину своим мраком, то дорога делается опасной и он вряд ли найдет ее. Предупрежденные таким образом, путешественники плотно за-

* *Vade retro, Satana* (лат. «изыди, сатана») — евангельское выражение (Матфей, IV. 10; Марк, VII. 33). — *Здесь и далее примечания редакции.*

стегнули воротники своих плащей, решительно нахлобучили себе на брови шапки, затянули пряжками широкие пояса, надетые поверх плащей, и, опираясь каждый на палку, окованную на конце острым железом и предназна-

ченную для путешествия в горах, продолжили путь свой бодро и бесстрашно.

С каждым новым шагом им представлялись все новые и новые виды. Каждая гора — как будто ее твердый и неизменный образ двигался и переменялся, подобно бегущей тени, — принимала иную наружность по мере того, как странники перемещались, и по мере того, как туман, продолжавший медленно спускаться, позволял видеть холмы и долины, облекаемые его влажной пеленой. Дорога нигде не шла прямо, а извивалась узкой тропой по излучинам лощины, часто огибая пропасть и другие непроходимые препятствия, — все это еще увеличивало дикое разнообразие сего путешествия, и странники наши на-

конец совершенно сбились и потеряли представление о том, куда им следовало идти.

— Я бы хотел, — сказал старший из них, — чтоб у нас была та таинственная игла*, которая у мореходов всегда показывает север и дает им возможность направлять путь свой в открытом море, когда не видно ни берега, ни мыса, ни солнца, ни месяца, ни звезд и никаких признаков на небе или на земле, по которым они могли бы ориентироваться.

— Она вряд ли принесла бы нам пользу посреди этих гор, — отвечал юноша, — ибо хотя эта чудная игла и направлена всегда к Северному полюсу, нельзя полагать, чтобы она сохранила ту же силу здесь, где эти огромные горы вздымаются подобно стенам между сталью и полюсом, ее притягивающим.

— Я боюсь, — возразил отец, — что проводник наш, который час от часу становится бестолковее по мере удаления от места его жительства, так же будет нам бесполезен, как, по мнению твоему, и компас в горах этой дикой страны.

— Друг мой! — спросил он, обращаясь к Антонио на плохом итальянском языке. — Точно ли ты уверен, что мы идем по правильной дороге?

— Если в том нам поможет святой Антоний! — сказал проводник, слишком смущенный для того, чтобы дать прямой ответ.

— А эта вода, вполовину скрытая туманом, которая блестит во мраке на дне огромной черной пропасти, является ли она частью Люцернского озера или мы дошли уже до другого, с тех пор как поднялись на эту гору?

Антонио предполагал только, что они должны еще быть близ Люцернского озера, и надеялся, что видневшаяся вдаль вода — не что иное, как рукав его. Но он не мог сказать ничего наверняка.

— Собака-итальянец! — вскричал младший из путешественников. — Ты заслуживаешь того, чтобы тебе переломали кости, если берешься за дело, которое так же не способен выполнить, как и отвести нас на Небо!

— Полно, Артур, — сказал ему отец, — если ты напугаешь этого малого, то он убежит, и мы лишимся даже той небольшой выгоды, которую имеем благодаря его знанию местности; если ж ты подымешь на него палку, то он оплатит тебе своим ножом, ибо таков нрав мстительных ломбардцев. Во всяком случае, ты только навредишь нам, вместо того чтобы помочь. Послушай, друг мой, — продолжал он на ломаном итальянском языке, обращаясь к проводнику, — не бойся вспыльчиво-

* Компас.

сти этого молодого человека, которому я не позволю тебя обидеть, скажи только, если можешь, названия деревень, через которые мы должны сегодня проходить.

Ласковость тона старшего из путешественников успокоила проводника, несколько испуганного сердитым голосом и угрозами Артура, и он произнес на своем наречии множество названий, в которых грубое немецкое произношение странным образом смешивалось с нежными звуками итальянского языка, но которые не давали спросившему никакого удовлетворительного ответа на вопрос его, так что в конце концов он принужден был вскричать:

— Веди же нас, во имя Пресвятой Богородицы или святого Антония, если тебе это больше нравится... я вижу, что нам не следует терять время, стараясь друг друга понять.

Они вновь двинулись вперед, с той только разницей, что теперь провожатый шел впереди, тогда как прежде показывал своим спутникам дорогу, следуя за ними. Облака, однако ж, сгустились, и туман, который сперва состоял из легких паров, перешел в мелкий дождь, который опускался подобно росе на плащи наших путешественников. Вдали, в горах, раздавались пронзительные, похожие на стенания звуки, подобные тем, которыми злой дух Пилатовой горы возвещал бурю. Молодой швейцарец опять начал упрашивать своих спутников идти поскорее, но в то же время сам препятствовал этому своими медлительностью и нерешительностью, с которыми показывал дорогу.

Пройдя таким образом три или четыре мили, которые неизвестность сделала вдвое длиннее, путешественники наконец очутились на узкой тропинке, вьющейся вдоль самого края пропасти. Внизу было озеро, но какое именно, они не могли сказать утвердительно. Сильные порывы ветра по временам разгоняли туман, так что можно было видеть сверкавшие внизу волны. Но было ли это то самое озеро, у берегов которого они поутру начали свое путешествие, или же другое, была ли это река или широкий ручей — они не могли хорошенько рассмотреть. Только в одном были они совершенно уверены: если это и было Люцернское озеро, то в таком месте, где оно заметно сужалось, ибо те же самые порывы ветра, которые позволяли сквозь туман различить воду на дне ложины, по временам открывали взорам противоположный берег, расстояние до которого нельзя было определить точно, довольно близкий, чтоб разглядеть высокие, крутые скалы и мохнатые сосны, в иных местах соединяющиеся в купы, а в других растущие поодиночке посреди утесов, нависших над водой.

До сих пор тропинка, хотя крутая и бугристая, достаточно означалась следами, оставленными на ней конными и пешими странниками. Но в ту минуту, как Антонио, ведя лошака, достиг вершины остроконечной возвышенности, где дорога делала крутой поворот, он внезапно остановился, по обыкновению взывая к покровительствующему ему святому. Артуру показалось, что лошак разделял страх проводника: он попятился назад, уперся передними ногами, широко расставив их в стороны, и, судя по принятому им положению, твердо решился, несмотря на отчаянные попытки людей сдвинуть его с места, не идти вперед, приведенный в ужас увиденным.

Артур поспешил вперед не из одного любопытства, но потому, что он желал по возможности подвергнуть одного себя всякой возможной опасности, прежде чем отец его подоспеет для того, чтобы разделить ее. Прошло меньше времени, чем нам понадобилось на то, чтоб рассказать все это, а юноша стоял уже подле Антонио и лошака на вершине скалы, где тропинка, казалось, оканчивалась, и впереди была пропасть, глубины которой туман не позволял ему видеть, но которая была, верно, больше трехсот футов.

Ужас, изобразившийся на лицах путешественников, и видимые знаки оного даже у лошака показывали, до какой степени их поразило и ошеломило это неожиданное и, по-видимому, непреодолимое препятствие. Выражение лица отца, вслед за тем пришедшего на то же место, не оставило его спутникам никакой надежды или утешения. Он остановился вместе с другими, устремив взор в разверзтую у его ног бездну, частично скрытую мглой, и осматриваясь вокруг с тем, чтобы найти продолжение тропинки, которая, конечно, не могла окончиться таким образом. Пока все трое стояли в нерешительности, не зная, что им делать, — сын, тщетно сясь найти какое-нибудь средство подвинуться вперед, а отец — почти уже решившись предложить им воротиться назад по той же дороге, по которой они пришли, — сильный рев ветра, гораздо пронзительнее слышанного до тех пор, раздался в долине. Каждый из путников, понимая всю опасность быть сброшенным с этого ненадежного места, где они оказались, ухватился за куст или за утес, чтобы удержаться, и даже бедный лошак, казалось, крепче уперся ногами своими, приготавливаясь противостоять приближавшемуся вихрю. В самом деле, ветер вдруг подул с такой неожиданной яростью, что путешественникам показалось, будто скала, на которой они стояли, задрожала, и их бы снесло в пропасть, как засохшие листья, не прими они описанной

выше меры предосторожности. Однако ж как только вихрь, промчавшийся по долине, совершенно рассеял на три или четыре минуты туманный покров, который до этого лишь слегка раздвигался или становился реже, они увидели, что за препятствие так внезапно встретилось им на пути.

Быстрый, но верный взгляд, брошенный Артуром, позволил убедиться, что прежде тропинка с площадки, на которой они находились, шла далее в том же направлении вдоль по толстому слою земли, покрывавшему крутой склон утеса. Но в результате одного из ужасных обвалов, случающихся в этих диких местах, земля сдвинулась с утеса и вместе с проложенной поверху тропинкой, с кустами, деревьями и со всем, на ней растущим, обрушилась на дно пропасти, в текущую там реку (теперь они ясно могли рассмотреть, что видневшаяся внизу вода была рекой, а не озером или рукавом озера, как они до тех пор предполагали).

Причиной такого обвала, вероятно, было землетрясение, что здесь нередко случалось. На этом слое земли, представлявшем теперь только безобразную грудку развалин, росло еще несколько деревьев в горизонтальном положении. Другие, опрокинувшиеся при своем падении верхушками вниз, были разбиты вдребезги и повергнуты, словно былинки, в быстрину реки, которую они некогда осеяли густой тенью. Оставшаяся позади голая скала, подобно лишенному мяса остову какого-нибудь огромного чудовища, служила стеной страшной бездне, которая походила на вновь разработанную каменоломню, но видом была гораздо ужасней: она образовалась совсем недавно и потому на ней еще не успела показаться какая-нибудь растительность, которой природа поспешно одевает склоны даже самых бесплодных скал и пропастей.

Кроме этих признаков, доказывавших, что дорога была разрушена не так давно, Артур также заметил по ту сторону реки довольно высокое четырехугольное здание, напоминающее развалины готической башни, возвышавшееся за долиной, над сосновым лесом, пересеченным утесами. Молодой человек указал на эту достопримечательность Антонио и спросил, знает ли тот, что это, справедливо предполагая, что такое необыкновенное место трудно позабыть, если прежде хоть раз видал его. И действительно, молодой проводник тотчас с радостью узнал это место и весело закричал, что оно называется Гейерштейн, то есть *Ястребиная Скала*.

— Я узнаю ее, — продолжал Антонио, — по башне и по остроконечному утесу, возвышающемуся близ нее в виде колокольни, с вершины которого *ламмергейер*, или *ястреб-ягнятник*,

одна из величайших птиц, доныне известных, унес сына одного из хозяев замка.

Провожатый начал рассказывать своим спутникам, какой обет владелец Гейерштейна принес Эйзидленской Богородице, и пока он говорил, замок, скалы, лес и пропасть опять скрылись в тумане. Но, заключив свою удивительную повесть рассказом о чуде, возвратившем ребенка в объятия отца, Антонио вдруг вскричал:

— Берегитесь! Вихрь! Вихрь!

Действительно, снова подул ветер и, разогнав туман, еще раз представил взорам путешественников живописное зрелище ужасов, их окружающих.

— Да! — произнес с торжествующим видом Антонио, когда вихрь утих. — Старый Пилат не любит, чтобы говорили об Эйзидленской Богородице. Но Святая Дева сохранит от него тех, кто в Нее верует!

— Эта башня, — сказал младший из путешественников, — кажется необитаемой. Я нигде не вижу дыма, и зубцы на стенах развалились.

— В ней давно уж никто не живет, — отвечал проводник. — Но, несмотря на это, мне бы хотелось оказаться там. Честный Арнольд Бидерман, ландаман (кантональный правитель) Унтервальдена, живет близ нее, и я вам ручаюсь, что он никогда не откажет странникам ни в чем, что только есть лучшего в его кладовой и в погребе.

— Я слышал о нем, — сказал старый путешественник, которого, как узнал Антонио, звали Филипсон. — Говорят, что он хороший и гостеприимный человек, заслуживающий того доверия, которым он пользуется у своих земляков.

— Вы, сударь, верно о нем говорите, — отвечал проводник, — и мне очень бы хотелось добраться до его дома, где бы вас наверняка ожидал гостеприимный прием и добрый совет насчет завтрашнего путешествия. Но как мы попадем в *Ястребиный Замок*, не имея ястребиных крыльев, — на этот вопрос трудно получить ответ.

Артур отвечал на это смелым вызовом, рассказ о котором читатель найдет в следующей главе.

ГЛАВА II

ассмотрев представшую взорам картину опустошения столь подробно, сколь позволяло угрюмое состояние атмосферы, младший из путешественников проговорил:

— Во всяком другом месте я бы сказал, что буря утихает, но в этой дикой стране безрассудно было бы пытаться предугадать, чего должно ожидать. Если преступный дух Пилата в самом деле носится в вихре, то этот отдаленный замирающий рев, кажется, возвещает, что он возвращается к месту своего наказания. Тропинка обвалилась вместе с землей, на которой была проложена, но я вижу ее продолжение там, на дне пропасти, — я говорю о белеющей черте между глыбами земли и камней. Если вы позволите, батюшка, то, мне кажется, я смогу доползти по краю пропасти до такого места, откуда меня смогут видеть обитатели здания, о котором сказывал нам наш проводник. Если оно действительно существует, то к нему должна быть дорога; если ж я не отыщу ее, то по крайней мере подам знак тем, кто живет близ этого ястребиного гнезда, и получу от них помощь.

— Не могу согласиться, чтоб ты подвергал себя такой опасности, — сказал ему отец. — Пусть этот молодой человек идет туда, если он может и хочет. Он родился в горах, а я щедро его награжу.

Но Антонио решительно отказался от этого предложения.

— Я родился в горах, — сказал он, — но никогда не гонялся по скалам за сернами, и у меня нет, как у ворона, крыльев, чтобы перелетать с утеса на утес, — жизнь моя мне дороже золота.

— И сохрани Бог, — отвечал ему Филипсон, — чтобы я стал назначать тебе за нее цену! Так ступай, сын мой, я иду за тобой.

— Воля ваша, любезный батюшка, — сказал молодой человек, — а этому не бывать: довольно рисковать жизнью одного из нас, и прежде подвергнуть опасности следует мою, как менее драгоценную по всем законам природы и благоразумия.

— Нет, Артур, — возразил отец решительным голосом, — нет, сын мой, я многое пережил, но не переживу твоей потери.

— Я нисколько не боюсь того, что может случиться, батюшка, если только вы позволите мне идти одному; но не могу — не смею отправиться на такое опасное дело, если вы не оставите намерения вашего участвовать в нем, не имея другой помощи, кроме моей. Стараясь сделать шаг вперед, я все буду оглядываться, дошли ли вы до того места, которое я только что оставил. Притом же подумайте, любезный батюшка, что если я погибну, то эта потеря будет столь же малозначительна, как падение земли и деревьев, которые до меня обрушились. Но вы! Если нога ваша поскользнется или рука вам изменит, то вспомните, какое важное дело погибнет вместе с вами!

— Ты прав, сын мой, — сказал отец, — есть еще узы, привязывающие меня к жизни, хотя бы даже я лишился в твоём лице всего, что мне драгоценно. Святая Дева и Иисус Спаситель да благословят тебя и даруют тебе успех, сын мой! Ноги твои молоды, руки сильны — не даром ты взбирался на высочайшие горы и преодолевал все опасности. Будь смел, но осторожен — помни, что есть человек, которому, потеряв тебя, останется только одна обязанность, привязывающая его к земле, и что, исполнив ее, он немедленно последует за тобой.

Молодой человек приготовился к своему предприятию и, сняв тяжелый плащ, скрывавший его стройное тело, остался в узком платье из серого сукна. Решимость покинула отца, когда сын его обернулся, чтобы проститься. Он взял назад свое позволение и повелительным тоном запретил тому отправляться. Но, не слушаясь этого запрета, Артур начал уже свой опасный путь. Спустившись с площадки, где остались Филипсон и Антонио, держась за ветви старого ясеня, который рос в расселине утеса, юноша, с трудом преодолев опасности, достиг узкой закраины пропасти, по которой надеялся ползком добраться до места, откуда его могли бы увидеть или услышать из жилища, о котором сказывал вожатый. Положение молодого человека при исполнении этого смелого намерения было, по-видимому, так рискованно, что даже наемный проводник, глядя на него, едва осмеливался переводить дух. Закраина утеса, по которой

он полз, была столь узкой, что издали казалась совершенно незаметной. Между тем, подвигаясь вперед, Артур то обращал лицо свое к скале, то смотрел перед собой, то устремлял взоры к небу, но ни разу не взглянул в разверзшуюся под ним бездну, опасаясь, чтобы при виде такого страшного зрелища не закружилась у него голова. Отцу его и проводнику, следившим за ним сверху, он казался не человеком, ступающим ногами по земле, а насекомым, ползущим по поверхности отвесной стены таким образом, что заметно только его движение, но не видны средства, которыми он себя поддерживает. Горько, очень горько в отчаянии сокрушался отец о том, что не настоял на принятом им решении, хотя неудобном и опасном: возвратиться к месту вчерашнего ночлега. Тогда бы он по крайней мере разделил судьбу нежно любимого им сына.

Тем временем молодой человек с присущей ему твердостью духа принялся за осуществление своего опасного предприятия. Он обуздал свое воображение, вообще довольно пылкое, не позволяя себе ни на минуту предаваться тем ужасным мыслям, которые только увеличивают опасность. Он мужественно старался подчинить все, его окружавшее, власти рассудка как лучшей опоре истинной храбрости.

— Этот утес, — говорил он сам себе, — конечно, узок, однако ж он достаточно широк, чтобы поддержать меня; эти выступы и расселины малы и далеки друг от друга, но на первые я могу становиться ногами, а последние помогут мне тем, что я могу хвататься за них руками, как если бы я стоял на твердой площадке, опершись рукой на мраморные перила. Итак, мое спасение зависит от меня самого. Если я буду подвигаться решительно, ступать твердо и держаться крепко, то какая мне нужда до того, что я нахожусь на краю пропасти?!

Измеряя, таким образом, настоящую меру опасности здравым рассудком и полагаясь на привычку свою к подобным упражнениям, отважный юноша продолжал свое приводящее в ужас путешествие, шаг за шагом подвигаясь вперед с осторожностью, силой и присутствием духа, которые одни только могли спасти его от неминуемой гибели. Наконец он достиг точки, дальше которой из-за выступавшего утеса пропасть была не видна с площадки. Наступила самая критическая минута всего предприятия. Действительно, это была самая опасная часть оною. Утес выдавался больше чем на шесть футов над рекой, яростный рев которой, подобный подземному грому, доносился с бездонной глубины. С величайшим вниманием осмотрел он это место и, обнаружив кустарник, траву и даже несколько иссохших деревьев, за-

ключил, что утес этот составляет окончечность провала и что если б удалось миновать его, то можно было бы надеяться отыскать продолжение тропинки, так неожиданно прерванной разрушительным действием природы. Но окончечность утеса выступала так далеко, что не было никакой возможности ни пролезть под ней, ни пробраться вокруг нее; и так как она находилась несколькими футами выше того места, до которого дополз Артур, то нелегко было и перелезть через нее. Молодой человек, однако же, избрал этот последний путь как единственное средство преодолеть это препятствие, которое, как казалось Артуру, должно было стать последним на его пути. При помощи росшего поблизости дерева он вскарабкался на вершину утеса. Но едва только он ступил на утес ногами, едва успел мысленно поздравить себя, увидев посреди дикой громады скал и лесов мрачные развалины Гейерштейна с вьющимся над ними дымом, что подтверждало существование поблизости обитаемого жилища, как — к великому своему ужасу — почувствовал, что огромный утес пошатнулся у него под ногами и, медленно наклоняясь вперед, начал постепенно перемещать свое положение. Утес сей, так далеко выдавшийся и стронувшийся уже со своего места при последнем землетрясении, столь ненадежно держался, что для окончательного нарушения его равновесия достаточно оказалось прибавившейся тяжести молодого человека.

Испугавшись грозившей ему опасности, Артур по врожденному чувству самосохранения, побуждающему заботиться о спасении собственной жизни, осторожно спрыгнул с падающего утеса на дерево, по которому чуть раньше залез на него, и обернулся назад, будто непреодолимая сила вынуждала его не спускать глаз с рокового утеса, только что им оставленного. Две или три секунды утес колебался, будто не мог решить, в каком направлении ему упасть, и если б он стал падать в сторону, то раздавил бы молодого смельчака или сбросил бы его вместе с деревом в бездну. Через минуту страшной неизвестности сила тяжести увлекла утес прямо вперед. Огромный обломок скалы, весящий по крайней мере двадцать тонн, полетел вниз, дробя и разнося в щепу кусты и деревья, встречавшиеся на пути его стремительного падения, и наконец рухнул в реку с треском, который мог бы сравниться с залпом сотни орудий. Звук этот прокатился множеством отголосков от скалы к скале, из пропасти в пропасть, словно соревновавшихся в силе грохота; и раздававшийся повсюду гул уступил место безмолвию не раньше, как вознесясь до области вечных снегов, которые, будучи равно нечувствительны к земным звукам и к человеческой

жизни, вняли этому страшному грохоту в своем величественном уединении, но дали ему умереть, оставив без ответа.

О чем между тем думал несчастный отец, который видел, как обрушилась тяжелая глыба, но не мог рассмотреть, увлекла ли она за собой его сына в своем страшном падении! Его первым движением было бежать к краю пропасти, с тем чтобы пуститься по той же дороге, на которой он только что видел Артура; и когда Антонио удержал его, обхватив руками, то он обратился к проводнику с яростью медведицы, у которой похитили ее детей.

Н. В. Т.

— Пусти меня, подлый крестьянин, — вскричал он, — или ты тут же умрешь!

— Увы! — воскликнул бедный малый, бросаясь перед стариком на колени. — У меня также есть отец!

Эти слова проникли в душу Филипсона — он тотчас отпустил молодого человека и, воздев вверх руки, устремив глаза к небу, вскричал с сильнейшей тоской в голосе, к которой в то же время примешивалась набожная покорность:

— Да будет воля Твоя! Он был у меня последний, любимейший и достойнейший любви сын! А там, — прибавил он, — там, над долиной, слетаются уже хищные птицы, которые будут пить юную кровь его. Но я увижу его еще раз! — возопил злополучный отец, между тем как стая воронов пронеслась над его

головой. — Я увижу еще раз моего Артура, прежде чем волки и орлы растерзают его. Я увижу его останки. Не удерживай меня, а останься здесь и смотри. Если я погибну, что всего вероятней, то поручаю тебе, вынув из моего тюка находящиеся в нем запечатанные бумаги, доставить их той особе, на имя которой они написаны, без малейшего замедления. В кошельке довольно денег для того, чтобы похоронить меня с моим бедным сыном и заплатить за панихиду об упокоении наших душ; кроме того, еще останется тебе щедрая награда за твои услуги.

Честный швейцарец хотя и был недалекого ума, но от природы отличался чувствительностью и преданностью. Во все время, пока старый путешественник говорил все это, Антонио заливался слезами, и, страшась раздражить старика новыми увещеваниями и сопротивлением, безмолвно смотрел, как тот готовился к переходу через ту самую роковую пропасть, где злополучного сына его, по-видимому, постиг суровый жребий, который отец со всем отчаянием родительской нежности теперь спешил с ним разделить.

Вдруг из-за того рокового утеса, от которого оторвалась каменная глыба, едва на нее ступил Артур, раздался громкий и пронзительный звук одного из тех огромных рогов буйвола, или дикого швейцарского быка, которые в древние времена возвещали жителям гор начало брани и заменяли им на войне все музыкальные инструменты.

— Слушайте, сударь, слушайте! — вскричал граубинденец. — Это сигнал из Гейерштейна. Верно, кто-нибудь тотчас явится к нам на помощь и покажет нам безопаснейшую дорогу для поисков вашего сына! Посмотрите: на том зеленом деревце, которое светится сквозь туман, — да сохранит меня святой Антоний! — развеивается нечто белое! Прямо за тем местом, откуда оторвалась скала!

Отец старался устремить туда глаза свои, но они так скоро наполнились слезами, что он никак не мог рассмотреть предмета, на который указывал ему проводник.

— Все бесполезно, — сказал он, отирая слезы, — я уж не увижу ничего более, кроме его бездыханных останков.

— Вы его увидите, вы его увидите в живых! — сказал граубинденец. — Святому Антонию так угодно — посмотрите, как эта белая ткань развеивается.

— Это какие-нибудь обрывки его одежды, — сказал отчаявшийся отец, — плачевное напоминание о его страшной участи. Нет, глаза мои его не видят. Они зрели гибель моего дома, и я бы лучше желал, чтобы горные вороны выклевали их!

— Да посмотрите же еще! — настаивал проводник. — Эта ткань не висит на ветке — я вижу явственно, что она прикреплена к концу шеста и что ею машут. Сын ваш подает вам знак, что он вне опасности.

— Когда так, — сказал путешественник, всплеснув руками, — то да будут благословенны глаза, это видевшие, и уста, это возвестившие! Если мы найдем моего сына, и найдем его живым, то сегодняшний день будет счастливым и для тебя.

— Нет, — сказал граубинденец, — прошу только, чтоб вы набрались терпения и послушались доброго совета, — это я сочту себе лучшей наградой за мои услуги. Мне мало будет чести, если я допущу, чтоб вы погибли из одного только вашего упрямства, ибо вина во всяком случае падает на проводника, как будто он властен запретить старому Пилату стряхивать туман со своего чела, или глыбе земли — обрушиться со скалы в пропасть, или молодому смельчаку — ползти над бездной по окраине, которая не шире лезвия ножа, или глупцу, седые волосы которого должны бы сделать его поумнее, — выхватывать свой кинжал, подобно ломбардскому разбойнику.

Так болтал проводник, и он еще долго мог продолжать свои измышления, ибо Филипсон его не слушал. Каждое биение пульса, каждое движение сердца, все мысли его были устремлены к тому предмету, который, по мнению Антонио, возвещал спасение его сына. Отец наконец удостоверился, что развевавшаяся вдали ткань действительно была в человеческой руке; и столь же скоро утешившись надеждой, как перед тем — предался отчаянью, он опять начал собираться навстречу к сыну, для того чтобы помочь ему, если можно, добраться до безопасного места. Но просьбы и уверения проводника убедили его подождать.

— В состоянии ли вы, — сказал старому путешественнику вожатый, — ползти по этому утесу? Можете ли вы прочесть «Верую» и «Богородица Дева, радуйся», не сбившись ни в одном слове? Без этого, как говорят наши старики, хотя б вы имели двадцать жизней, то вы бы их лишились. Ясны ли глаза ваши и тверды ли ноги? Я думаю, что первые проливают ручьями слезы, а последние дрожат, как листья тополя, нас осеняющего! Побудьте здесь, пока придут те, которые с гораздо большей легкостью могут помочь вам, чем вы — им. Я узнаю этот трубный звук — это рог доброго гейерштейнского владельца Арнольда Бидермана. Он, вероятно, увидел, какой опасности подвергался сын ваш, и уж позаботится о том, чтобы спасти его и нас. Есть случаи, когда помощь одного человека, хорошо

знающего места, гораздо важнее помощи троих, которым они неизвестны.

— Но если этим рогом действительно подавали знак, — спросил путешественник, — то отчего же сын мой не отвечал на него?

— А если он и сделал это, что вполне вероятно, — отвечал граубинденец, — то могли ли мы что-либо слышать? Когда уж звук этого рога посреди ужасного грохота и треска бури казался нам не громче пастушьей свирели, то возможно ли, чтобы до нас дошел человеческий крик?

— Однако ж мне кажется, — возразил Филипсон, — что среди этой борьбы стихий я слышу нечто, подобное человеческому голосу, но это не Артур.

— Верно, не он, — отвечал граубинденец, — потому что этот голос женский. Молодые девушки переговариваются таким образом одна с другой со скалы на скалу среди вихря и бурь, хотя бы между ними было расстояние в целую милю.

— Хвала Всевышнему за эту ниспосылаемую нам помощь, — сказал Филипсон. — Надеюсь, этот ужасный день обойдется для нас без несчастья. Я откликнусь в ответ.

Филипсон начал кричать изо всех сил, но так как у него не было в этом сноровки, то голос его, сливаясь с ревом волн и ветра, не мог быть различен с расстояния в пятьдесят шагов и совершенно терялся среди грохота бушующих вокруг стихий. Молодой проводник улыбнулся тщетным усилиям старого господина и, возвысив в свою очередь голос, издал высокий, пронзительный звук, который, хотя и был произведен с гораздо меньшим усилием, чем то, которое тщетно прилагал англичанин, очевидно отличался от прочих и, вероятно, был слышен на значительное расстояние. Отклики того же рода раздались в ответ в отдалении и, постепенно приближаясь к площадке, поселили новые надежды в сердце тоскующего путешественника.

Если скорбь отца возбуждала к нему сильное сострадание, то и сын его в эту минуту находился в одном из самых ужасных положений. Мы уже сказали, что Артур Филипсон начал опасный путь свой вдоль пропасти со всем хладнокровием, мужеством и непоколебимой решительностью и силой духа, необходимыми для исполнения предприятия, где все зависело от крепости нервов. Но внезапное происшествие, остановившее ход его, было так страшно, что молодой человек почувствовал всю горечь смерти, внезапной, ужасной и, как ему казалось, неизбежной. Твердая скала пошатнулась и обрушилась под его ногами, и хотя в результате усилия, скорее инстинктивного, чем

обдуманного, он избежал гибели, ожидавшей его при падении, Артуру показалось, что лучшая часть его самого, твердость духа и силы физические, оставили его вместе с упавшим утесом, который с треском, подобным грому, посреди густых облаков пыли обрушился в реку, яростными потоками бегущую на дне бездны. В самом деле, мореплаватель, оказавшийся за бортом

разбитого судна, носимый волнами и ударяемый о скалы, не более отличается от того же самого морехода, в начале бури стоявшего на палубе

своего любимого корабля, гордясь его крепостью и собственным своим искусством, чем Артур, начинавший свое путешествие, отличался от того Артура, который, обхватив иссохший пень старого дерева, оказался между небом и землею и глядел на падение утеса, с которым он едва не разделил участь. Ужас равно подействовал как на его чувства, так и на душевное состояние. Множество различных цветов пронеслось у него перед глазами, голова его кружилась, и он не владел уж более своими членами, которые до сих пор так исправно ему служили; руки его, не повинувшись уже ему, то хватались за древесные вет-

ви с судорожной цепкостью, то дрожали как бы в совершенном расслаблении, и он страшился, что они скоро будут не в состоянии удерживать его в этом положении.

Обстоятельство, хотя само по себе и ничтожное, еще более усилило впечатление, произведенное на молодого человека этим упадком духа. Все живые твари, в окрестностях находившиеся, казалось, были испуганы страшным обрушением скалы. Летучие мыши, совы и другие ночные птицы, поднявшиеся в страхе на воздух, спешили возвратиться в свои гнезда и в другие убежища, находимые ими в ущельях окрестных гор. Между этими зловещими птицами был и *ламмергейер*, или *альпийский ястреб*, превосходящий величиной и хищностью самого орла. Артуру никогда еще не случалось видеть его, по крайней мере с такого близкого расстояния. Как это свойственно большей части хищных птиц, ястреб этот имеет привычку, насытись, забираться в какое-нибудь неприступное место и сидеть там неподвижно до тех пор, пока пища переварится, после чего активность его возвращается к нему вместе с аппетитом. Вот и теперь одна из этих страшных птиц, потревоженная, поднялась со скалы, прозванной ее именем, и, описав в воздухе обширный круг, опустилась с пронзительным криком на вершину утеса не далее двух сажен от дерева, на котором Артур едва держался. Несмотря на сильное беспокойство, вызванное обрушением утеса, ястреб, ободренный неподвижностью молодого человека, которого, видимо, посчитал умершим или умирающим, пристально посмотрел на него, нимало не выказывая того страха, который обыкновенно ощущают даже самые свирепые звери, находясь вблизи человека.

Между тем как Артур, стараясь побороть внезапно овладевший им страх, поднял глаза, с тем чтобы осмотреться, взору его представилась эта зловещая хищная птица, которая светлой своей шеей и головой, глазами, окруженными ярко-красной каймой, и своеобразным строением тела столь же не походит на благородного и приятного видом орла, сколь среди зверей тощий, хищный, свирепый и вместе с тем трусливый волк отличается от величественного льва.

Как зачарованный, молодой Филипсон устремил взгляд на эту безобразную птицу, так что не в силах был отвести от него глаз. Страшась опасностей, как мнимых, так и существующих, он совершенно ослаб духом, и без того уже расстроенным вследствие положения, в котором находился. Близкое соседство твари, которая столь отвратительна роду человеческому и которая, в свою очередь, избегает к нему приближаться, пока-

залось Артуру самым дурным предзнаменованием. Отчего она так пристально смотрела на него, наклонив в его сторону свое безобразное тело и как будто приготавливаясь тотчас на него броситься? Не является ли этот ястреб духом места, прозванного его именем? И не прилетел ли он радоваться тому, что незванный гость его владений оказался в такой опасности, от которой, казалось, почти не было надежды или возможности избавиться? Или это был простой ястреб, который по инстинкту своему предвидел, что неосторожный путешественник скоро сделается его жертвой? Могла ли эта птица, чувства которой, как говорят, весьма утонченны, по обстоятельствам почувствовать приближение смерти странника, и не ожидала ли она, подобно ворону при издыхающей овце, минуты начать кровавый свой пир? Неужели ему суждено почувствовать клюв ее и когти еще прежде, чем сердце перестанет в нем биться? Разве он уже лишился человеческого вида, внушающего всем прочим тварям страх к существу, созданному по образу и подобию своего Творца?

Эти опасения больше, чем вся власть рассудка, способствовали возвращению былой силы духа молодого человека; махая со всевозможной осторожностью своим платком, он все же прогнал ястреба, избавившись от его опасного соседства. Птица поднялась с пронзительным, унылым криком и, распутив свои огромные крылья, полетела искать себе более спокойного убежища, между тем как смелый наш путешественник очень обрадовался, избавившись от ее ненавистного присутствия.

Собравшись с мыслями, молодой человек, видевший со своего места часть площадки, которую раньше покинул, старался подать знак о себе отцу своему, продолжая махать как можно выше платком, которым он согнал ястреба. Подобно отцу, Артур услышал, но только ближе, звук огромного швейцарского рога, который, казалось, возвещал скорую помощь. Он отвечал на него криком и размахивал платком, чтобы показать дорогу людям, идущим, чтобы спасти его. Силы, которые почти совершенно оставили молодого человека, вновь вернулись к нему, он обрел надежду, а вместе с ней — средства и способность действовать.

Как ревностный католик, Артур произнес усердную молитву, поручая себя покровительству Богородицы и прося Ее об избавлении от своего ужасного положения.

— Милосердная Дева! — вскричал он в заключение. — Если мне предназначено окончить жизнь как лисице, преследуемой охотником в этой дикой пустыне, посреди мрачных скал, то по

крайней мере даруй мне терпение и мужество и не допусти, чтобы тот, кто жил человеком, хотя и грешником, умер подобно робкому зайцу!

Набожно поручив себя Милосердной Заступнице, Артур, все еще дрожа всеми членами от внутреннего волнения и едва не задыхаясь от сильного биения сердца, обратил, однако ж, все свои мысли и внимание на отыскание способов к спасению. Но, осматриваясь вокруг себя, он более и более чувствовал, как сильно он изнурен телесно и как ослаб от умственного беспокойства, перенесенного им вследствие столь великих опасностей. Он никак не мог остановить свой помутившийся взгляд на окружающих его предметах, которые, казалось, прыгали у него перед глазами: кустарники, скалы — словом, все, находящееся между ним и развалинами гейерштейнского замка, кружилось в таком ужасном беспорядке, что одно только внутреннее убеждение удержало его от порыва броситься с дерева, чтобы принять участие в чудной пляске, созданной его воображением.

— Спаси меня, Творец Всемогущий! — вскричал несчастный молодой человек, закрыв глаза в надежде, что, не видя ужасов своего положения, ему удастся успокоить свои мысли. — Я лишаюсь чувств.

Молодой англичанин еще более удостоверился в истинности этого предположения, когда услышал близко от себя женский голос, хотя и пронзительный, но весьма приятный, который как будто звал его. Артур открыл глаза, поднял голову и взглянул в ту сторону, откуда, казалось, доносился голос, хотя почти был уверен, что тот существует лишь в его расстроенном воображении. Призрак, ему представившийся, почти совершенно убедил его в том, что ум его поврежден и что он не может более в точности полагаться на свои ощущения и чувства.

На самой вершине остроконечной скалы, возвышавшейся из глубины ложины, явилась женщина, окутанная туманом настолько, что едва можно было различить ее образ. Она напоминала скорее призрак, чем живое существо, ибо стан ее, вырисовывавшийся в воздухе, казался столь же легким и почти столь же прозрачным, как и тонкие облака, его окружавшие. Первая мысль Артура была, что сама Пречистая Дева, вняв его мольбам, снизошла его спасти; и он начал уже читать молитву к Богородице, как вновь услышал голос с тем необычным, пронзительным напевом, посредством которого уроженцы Альп переговариваются друг с другом, стоя на вершинах утесов, разделенных пропастями большой глубины и пространства.

Пока он думал, как ему вступить в разговор с этим внезапно появившимся привидением, оно исчезло с того места, которое занимало, и вскоре опять явилось на краю утеса, у подножия которого росло дерево, ставшее убежищем Артура. Вид незнакомки и одежда ее показывали, что она обитательница этих гор, привыкшая к их опасным тропам. Одним словом, он увидел прелестную молодую женщину, смотревшую на него с удивлением и состраданием.

— Чужестранец! — сказала наконец она. — Кто ты такой и откуда ты?

— Я точно чужестранец, юная дева, как вы справедливо меня назвали, — отвечал молодой человек, приподнявшись, сколько мог. — Сегодня утром вышел я из Люцерна с моим отцом и в сопровождении проводника — они остались не более как в полумиле отсюда. Не можете ли вы, прелестная незнакомка, известить их о том, что я в безопасности, ибо отец мой, верно, обо мне очень беспокоится.

— Весьма охотно, — отвечала молодая девушка, — только думаю, что дядя мой или кто-нибудь другой из моих родственников нашел уже их и будет им проводником. Не могу ли я вам помочь? Не ранены ли вы? Не ушиблись ли вы? Мы испугались обрушения скалы. А! Вон она лежит... Какая огромная глыба!

Говоря таким образом, молодая швейцарка так близко подошла к краю пропасти и с таким равнодушием посмотрела в бездну, что сила симпатии, которая в подобных случаях возникает между действующим и смотрящим на него, опять вызвала дурноту и головокружение, от которых Артур только что избавился, и юноша, застонав, обхватил дерево крепче прежнего.

— Вы, верно, больны? — сказала девушка, заметив, что он опять побледнел. — Какая беда с вами случилась?

— Никакой, прелестная девица, кроме того, что я несколько ушибся; но у меня кружится голова и мне делается дурно, когда я вижу вас так близко к краю бездны.

— Так только это? — спросила молодая швейцарка. — Знай, чужестранец, что на краю пропастей, в сравнении с которыми эта есть не что иное, как детская забава, я не в меньшей безопасности, чем под кровлей моего дяди. Но сколько я могу судить по оставшимся следам, ты добрался сюда по закраине утеса, от которого откололась глыба, и потому тебе должна быть несвойственна такая слабость, ибо ты имеешь полное право называться горцем.

— Я бы мог назваться им полчаса тому назад, — отвечал Артур. — Но думаю, что впредь уж не осмелюсь присваивать себе этого имени.

— Не робей, — обратилась к нему милая советница, — это обыкновенная дурнота, которая иногда может встревожить ум и помрачить зрение самого мужественного и опытного человека. Смело поднимись до середины этого дерева, и тогда тебе легко будет перепрыгнуть на площадку, где я стою, после чего не останется ни малейшей опасности или препятствия для молодого человека, наделенного мужеством, ловкостью и крепкими членами.

— Мои члены точно крепки, — возразил юноша, — но неловко сказать, до какой степени покинуло меня мужество. Однако ж я не потерплю, чтобы вы стыдились участия, принятого вами в несчастном страннике, а потому не могу повиноваться доле чувству страха, которое до сих пор никогда еще не было властно надо мной.

Девушка с большим участием и беспокойством следила за молодым человеком, пока тот, осторожно пройдя вдоль по дереву, которое торчало из утеса почти горизонтально и гнулось под тяжестью юноши, наконец ступил ногами на скалу, откуда ему оставалось только перепрыгнуть на утес, где стояла его спасительница. Но если на ровном месте или на земле ему было б достаточно только шагнуть, здесь необходимо было перепрыгнуть через мрачную бездну, на дне которой кипел яростный поток. Колени Артура задрожали, а ноги его налились тяжестью, как будто совершенно отказавшись ему долее повиноваться, и он испытал ту чрезвычайную слабость, которую никогда не могут забыть бывшие в подобной опасности и которую с трудом представят те, кому, по счастью, не случилось испытать ее.

Девушка заметила его волнение и тотчас представила его последствия. Видя одно только средство возвратить молодому

человеку уверенность, она легко прыгнула с утеса на дерево, где удержалась с ловкостью птички, и в ту же минуту другим прыжком очутилась опять на площадке, откуда протянула чужестранцу руку.

— Моя рука, — сказала она, — есть слабая опора, но, прыгнув решительно сюда, ты найдешь ее столь же твердой, как бернские стены.

В эту минуту стыд пересилил боязнь, и Артур, отказавшись от помощи, которой он не мог принять, не упав в собственных глазах своих, переломил себя и, успешно сделав столь пугавший его прыжок, очутился на одной площадке со своей прелестной спасительницей.

Схватить руку девушки и поднести к губам с изъятием искренней признательности и почтения было, весьма естественно, первым движением юноши, в чем прелестная незнакомка не могла ему отказать, при этом она не выказала сколько-нибудь жеманства, совершенно ей не свойственного, и не подала повода к спору о таком маловажном предмете, тогда как все это происходило на площадке в пять футов длиной и в три шириной.

ГЛАВА III

Артур Филипсон и Анна Гейерштейнская, находясь в этом положении, так близко один от другого, ощутили некоторое замешательство: молодой человек, конечно, от опасения, чтобы не показаться трусом той, которая оказала ему помощь, а молодая девица, может быть, от сделанных ею усилий или от того, что она вдруг очутилась в таком тесном соседстве с юношей, которому она, вероятно, спасла жизнь.

— Теперь, прелестная незнакомка, — сказал Артур, — я должен возвратиться к отцу моему. Жизнь, спасением которой я вам обязан, только тем для меня ценна, что я теперь в состоянии поспешить к нему на помощь.

Слова молодого человека были прерваны звуком другого рога, который, казалось, раздался оттуда, где отважный юноша оставил старшего Филипсона и Антонио. Артур посмотрел в ту сторону, но площадка, часть которой он видел с дерева, была вовсе не видна с того места, где он теперь находился.

— Мне бы ничего не стоило, — сказала девушка, — опять перепрыгнуть на дерево и посмотреть оттуда, не увижу ли я ваших друзей. Но я уверена, что у них есть надежные провожатые, ибо звук этого рога возвещает, что дядя мой или кто-нибудь из моих молодых родственников подоспел уже к ним на помощь. Они теперь на пути в Гейерштейн, куда, если вам угодно, я и вас провожу, так как вы можете быть уверены: дядя мой Арнольд не потерпит, чтобы вы сегодня отправились в дальнейший путь, и мы только потеряем время, стараясь отыскать ваших друзей, которые с того места, где, по словам вашим,

вы их оставили, дойдут до Гейерштейна прежде нас. Итак, следуйте за мной, или я должна буду заключить, что я вам наскучила в роли провожатой.

— Скорее поверьте, что мне наскучила жизнь, благодаря вашей помощи сохраненная, — отвечал Артур, приготовившись идти за ней. В то же время он взглянул на ее одежду и наружность, еще раз утвердившись в удовольствии иметь такую проводницу, которую мы позволим себе изобразить здесь с большей подробностью, нежели юноша успел ее рассмотреть в такое короткое время.

Верхняя одежда девушки, ни слишком узкая, чтобы обозначить ее стан, что запрещалось строгими законами сего кантона, ни слишком широкая, чтобы помешать ей ходить или лазать по горам, закрывала нижнее платье другого цвета и спускалась только до половины икр, так что нижняя часть ног была видна во всей их прелестной соразмерности. На ногах были сандалии с загнутыми вверх носками, а ремни и застежки были украшены серебряными кольцами. Пояс верхнего платья был из разноцветного шелка с золотом, между тем как нижнее, открытое спереди, позволяло видеть прелестную, ослепительной белизны шею. Белизна эта еще более подчеркивалась тем контрастом, который представляло лицо девушки, слегка загоревшее от частого нахождения на солнце и на воздухе, что ни в коей мере не умаляло ее прелести, но лишь свидетельствовало о здоровье красавицы, ставшем следствием телесных упражнений. Длинные светло-русые ее волосы рассыпались роскошными кудрями по плечам, а голубые глаза, приятные черты лица и выразительная простота осанки показывали в то же время кротость, доверчивость и решительность, обнаруживая душу, слишком добродетельную, чтобы подозревать дурное, и слишком благородную, чтобы его бояться. На кудрях девушки, самом естественном и самом приличном убранстве красоты, или, лучше сказать, среди них выглядывала небольшая шапочка, которая, судя по величине ее, не столько укрывала голову, сколько изобличала вкус красавицы, не забывшей, по излюбленному обычаю горных девушек, украсить ее пером цапли, прибавив к нему необыкновенную в те времена роскошь — тонкую золотую цепь, которая, обвивая головной убор четыре или пять раз, соединялась на концах большим медальоном из того же драгоценного металла.

Мне остается только прибавить, что рост этой молодой особы был несколько выше обыкновенного и что вся ее осанка, не имея в себе ничего мужского, придавала ей скорее вид Минер-

вы, чем горделивую красоту Юноны или сладострастное очарование Венеры. Благородное чело, стройные и гибкие члены, твердая и вместе с тем легкая походка, в особенности же девственная скромность и открытый искренний вид ее — таковы были прелести молодой швейцарки, действительно заслуживающей быть уподобленной богине мудрости и непорочности.

Дорога, по которой шел молодой англичанин вслед за своей прелестной проводницей, была крута и ухабиста, но не могла назваться опасной, в особенности по сравнению с теми пропастями, через которые Артур недавно переправлялся. Она действительно была продолжением той тропинки, часть которой разрушилась в результате обвала, столь часто нами упоминаемого; и хотя во многих местах эта часть дороги также была повреждена тем же самым землетрясением, по некоторым признакам было видно, что ее уже слегка подправили, чего было достаточно для такого народа, как швейцарцы, которые столь мало заботятся о гладких и спокойных дорогах. Молодая девушка уведомила также Артура, что настоящая дорога соединяется с тропинкой, по которой недавно шли юноша и его спутники, и что если бы они свернули на нее там, где этот вновь проложенный путь выходит на старую дорогу, то они избавились бы от опасности, с которой им пришлось столкнуться на краю пропасти.

Тропинка, по которой они теперь следовали, сворачивала далее в сторону от потока, подземный рев которого все еще был слышен, пока они шли параллельно с его течением; но вдруг она круто повернула прямо к старому замку и открыла их взорам одно из великолепнейших и величественнейших зрелищ этой гористой страны.

Древняя Гейерштейнская башня не отличалась грандиозными размерами или же украшениями зодчества, но была, однако ж, замечательна своим грозно-величественным видом, чему в немалой степени способствовало ее расположение. Напротив самого угла той скалы, где стояли развалины, река образовывала водопад около ста футов высотой и низвергалась в ущелье, вероятно изрытое ее волнами с незапамятных времен. К этому вечно ревущему водопаду была обращена старая башня, построенная так близко к краю пропасти, что опоры, которыми архитектор укрепил ее основание, казалось, принадлежали к самой скале, будто составляли продолжение ее отвесной крутизны. По обычаю, существовавшему во всей Европе в феодальные времена, главная часть здания образовывала крепкий четырехугольник, разрушавшейся вершине которого при-

давали живописный вид защищавшие его башни различной формы и высоты — круглые, четырехугольные, развалившиеся или почти не тронутые временем, — что придавало особую замысловатость силуэту, рисовавшемуся на фоне неба.

Наружные ворота, к которым сходили из башни по лестнице, вели прежде на мост, соединявший замок с тем берегом реки, на котором находились теперь Артур и его прелестная спутница. Один только свод, или, лучше сказать, одна сторона свода, состоявшая из больших камней, сохранилась еще посреди реки против самого водопада. В прежние времена свод служил для поддержания деревянного подъемного моста, который был так широк, длинен и тяжел, что при опускании он должен был ложиться на какие-нибудь прочные подставы. Конечно, в этом заключалось известное неудобство, ибо когда мост даже и не был опущен, оставалась возможность пробраться до ворот замка по этой узкой дороге из камней. Но так как путь этот был не шире полутора футов и по нему смельчак мог бы добраться только до прохода, защищаемого крепкими воротами и железной решеткой, обстреливаемого с башен и со стен, откуда можно было пускать стрелы, бросать камни, лить расплавленный свинец и кипяток на неприятеля, который бы дерзнул приблизиться к Гейерштейну по этой опасной тропе, то возможность такой попытки не считалась достаточной для того, чтобы нарушить безопасность гарнизона.

В то время, которое мы описываем, замок был совершенно разрушен и лишен своей защиты; ворота, подъемный мост и опускная решетка были уничтожены, а открытый проход и узкий путь из камней, соединяющий оба берега реки, служили средством сообщения для окрестных жителей, которые уже привыкли к такой опасной переправе.

Между тем Артур Филипсон успел уже, подобно доброму, вновь натянутому луку, возвратиться к свойственному ему состоянию, телесному и умственному. Правда, нельзя сказать, что он в совершенном спокойствии следовал за своей проводницей, когда та с легкостью пробиралась по узкому проходу, состоявшему из неровных камней, влажных и скользких от брызг, беспрестанно приносимых с соседнего водопада. Не без робости совершил он этот опасный переход в такой близости от водопада, оглушительного рева которого он не мог не слышать, хотя и старался не оборачиваться в ту сторону, страшась, чтобы опять не закружилась голова от шума вод, стремящихся с высоты в бездонную, как казалось, пропасть. Но, несмотря на

это внутреннее волнение, естественное нежелание показать трусость там,

где молодая, прелестная девушка была так хладнокровна, и стремление оправдать себя в глазах своей проводницы заставили Артура преодолеть боязнь недавно еще им владевшую. Опираясь на остроконечную палку, он решительно прошел следом за своей проводницей через этот страшный мост, вступил в ворота и поднялся по лестнице, также полуразрушенной.

Дорога от ворот привела их на окруженное развалинами пространство, служившее прежде двором перед башней, которая в мрачном величии возвышалась посреди разрушенных построек, ее защищавших, и обломков разных других зданий. Поспешно миновав эти руины, покрытые мхом, плющом и другими дикими растениями, сквозь главные ворота замка вступили они в одно из таких мест, часто встречающихся в областях, отмеченных печатью одичалости и опустошения, которые природа украшает своими роскошнейшими дарами.

Здесь замок также значительно возносился над окрестностями; но если со стороны реки возвышенность эта оканчивалась отвесной скалой, то тут она шла крутым скатом, подобным крепостному гласису*, для большей безопасности здания. Пространство это теперь поросло кустарником и молодыми деревьями, посреди которых возвышалась башня, пребывавшая во всем величии своего разрушения. За рощицей, шедшей вдоль отлогого склона, местность совершенно переменалась. Пространство, составлявшее более ста десятин, казалось, было прорыто посреди гор и утесов, которые, сохраняя дикий вид тех мест, где наши путешественники в тот день заблудились, окружали и как бы защищали ограничиваемый ими участок земли. Вид этого небольшого поместья был чрезвычайно разнообразен, почва отлогим скатом шла к югу.

Первое, что представлялось взорам, это огромный дом, построенный из бревен без каких-либо украшений и без стремления к правильности; клубившийся над ним дым, обширность примыкавших к нему служб и окружавшие его богатые нивы свидетельствовали о том, что здесь обитает если не роскошь, то, по крайней мере, довольство и изобилие. Сад, наполненный плодовыми деревьями, простирался к югу от дома. Орешник и каштаны росли красивыми купами, а разведенный на трех или четырех десятинах виноградник показывал, что возделывание лоз успешно производится тут, и с особым искусством. Теперь эта отрасль получила распространение по всей Швейцарии, но в те давние времена она была доступна исключительно тем счастливым землевладельцам, которые обладали редким преимуществом соединять знание с богатством или, по крайней мере, с достаточным состоянием.

На лугу паслось стадо отличной породы рогатого скота, составляющего гордость и богатство горных обитателей Швейцарии; его пригнали сюда с альпийских хребтов, где его пасли летом, — ближе к убежищу на случай осенних бурь. В иных местах ягнята мирно щипали сочную травку; в других высокие деревья, тут росшие, были оставлены в целости на случай построек и дарили тень и прохладу и служили украшением сей картины мирной сельской идиллии. В этом восхитительном месте извивался небольшой ручеек, отражавший в зеркальных водах своих разогнавшие туман солнечные лучи — то протекая между красивы-

* Г л а с и с — пологая земляная насыпь перед наружным рвом укрепления, крепости.

ми пологими берегами, то скрывая свое течение под густыми ореховыми или ольховыми кустами. Ручеек этот после многих красивых изгибов, как бы нехотя, оставлял сию спокойную, уединенную обитель и, подобно юноше, оставляющему веселые и мирные детские забавы ради бурного поприща деятельной жизни, наконец соединялся с яростным потоком, который, с шумом падая с гор и ударяясь об утес, на коем стояла древняя Гейерштейнская башня, стремился в ущелье, где молодой наш путешественник едва не лишился жизни.

Хотя молодой Филипсон страстно желал увидеть отца своего, он невольно остановился на минуту, изумленный таким множеством красот после стольких ужасов, им пережитых; он оглянулся назад, на Гейерштейнскую башню и на высокий утес, от которого происходило ее название, как бы желая их мрачным видом удостовериться в том, что он действительно находится еще поблизости той дикой пустыни, где он испытал столько страхов и опасностей. Однако ж пределы этой уединенной мызы* были так тесны, что почти не нужно было обращаться и смотреть назад для того, чтобы убедиться в том, что этот возделанный человеческой рукой клочок земли, по видимому стоивший больших трудов, чрезвычайно мал в сравнении с пустыней, его окружавшей. Его со всех сторон обступили высокие горы, частично состоявшие из голых скал, а местами одетые густым диким сосновым лесом, происходившим, вероятно, от Сотворения мира. Кроме того, с возвышения, на котором стояла башня, были видны розовые вершины огромного ледника, освещаемого солнцем, а еще выше, над замерзшей поверхностью этого ледяного моря, вздымались в безмолвном величии острые верхи бесчисленных гор, покрытых вечными снегами.

То, что потребовало столько времени для описания, заняло молодого Филипсона не более чем на одну или две минуты; ибо на покато́й лужайке, находившейся перед мызой, как можно было назвать это здание, он увидел пять или шесть человек, в первом из которых по походке, одежде и дорожной шапке ему легко было узнать своего отца, которого еще недавно он едва надеялся увидеть снова.

И потому Артур радостно следовал за своей проводницей, между тем как она спускалась с крутого холма, на котором стояла старая башня. Они подошли к людям, которых издали за-

* Мыза — отдельно стоящая усадьба с хозяйством.

метил Артур, и находившийся среди них отец его поспешил на встречу своему сыну в сопровождении другого человека пожилых лет, почти исполинского роста, по своей простой, но вместе с тем величественной наружности казавшегося достойным соотечественником Вильгельма Телля, Штауффахера, Винкельрида и других знаменитых швейцарцев, которые мужеством своим и силой в прошедшем столетии, выступив против многочисленных войск, защитили свою личную свободу и независимость своей родины.

Из врожденного чувства такта, желая избавить отца и сына от свидетелей при встрече, долженствовавшей привести их в сильное волнение, ландаман, шедший впереди со старым Филипсоном, сделал знак молодым людям, следовавшим за ними, остаться позади. Итак, все они остановились, делая вид, будто бы расспрашивают проводника Антонио о приключениях чужестранцев. Анна, проводница Артура Филипсона, едва успела ему сказать: «Этот старик — мой дядя Арнольд Бидерман, а молодые люди — мои родственники», — как ландаман со старшим Филипсоном очутились перед ними. Арнольд Бидерман, из той же вежливости, которую он уже продемонстрировал прежде, отвел племянницу свою в сторону и, расспрашивая ее об утреннем ее походе, смотрел на свидание отца с сыном, обнаруживая столько любопытства, сколько ему дозволила его природная тактичность. Но встреча прошла совсем иначе, нежели он ожидал.

Мы уже изобразили старшего Филипсона отцом, нежно любящим своего сына, готовым идти на смерть, в тот момент, когда он страшился потерять его, — и, без всякого сомнения, он чрезвычайно радовался, видя сына живым. Посему надобно было полагать, что отец и сын бросятся друг другу в объятия, — вероятно, такой сцены Арнольд Бидерман ожидал быть свидетелем.

Но английский путешественник, подобно многим из своих земляков, скрывал пылкие и сильные чувства за холодной, степенной наружностью, почитая за слабость свободно предаваться даже самым приятным и естественным ощущениям. Будучи красавцем в молодости, он и теперь еще сохранил очень видную наружность, которая, однако, выдавала в нем человека, мало расположенного покоряться страстям или поощрять других к слишком большой откровенности. Он удвоил шаги, увидав своего сына, в естественном желании к нему приблизиться, но укоротил их, подходя к Артуру, и, остановясь перед юношей,

произнес более с увещанием и с укоризной, чем с родительской нежностью:

— Артур! Да простят тебе все святые огорчение, которое ты причинил мне сегодня.

— Аминь! — отвечал юноша. — Я должен просить прощения, если огорчил вас. Однако ж поверьте, что я думал сделать как лучше.

— Хорошо, Артур, что, стремясь добиться лучшего и слушая только самого себя, ты не подвергся самому худшему.

— Этим я обязан данной молодой особе, — отвечал сын с почтительностью и покорностью, указывая на Анну, которая стояла в нескольких шагах, и желая, может быть, избежать упреков отца, которые могли показаться ей неуместными и безрассудными.

— Я поблагодарю эту девицу, — сказал отец его, — когда узнаю, каким образом можно будет изъявить ей мою признательность; но неужели ты думаешь, что хорошо или прилично принимать от женщины помощь, которую каждый мужчина должен сам оказывать слабейшему полу?

Артур, потупив взоры, сильно покраснел, между тем как Арнольд Бидерман, желая помочь ему, выступил вперед и вмешался в разговор:

— Не стыдись, юноша, что ты принял совет или помощь от унтервальденской девушки. Знай, что страна эта обязана своей свободой мужеству и благородию своих дочерей в той же мере, что и сыновей. А ты, почтенный гость мой, по-видимому проживший многие лета и видевший различные земли, ты, конечно, часто встречал примеры того, что сильного спасает помощь слабого, а гордого — поддержка смиренного.

— Я по крайней мере научился тому, — отвечал англичанин, — чтобы не вступать без нужды в спор с хозяином, который дружелюбно принял меня в своем доме. — И когда все пошло обратно к дому, он, бросив на сына своего взгляд, исполненный нежнейшей любви, продолжал разговор, начатый им с его новым знакомцем, пока еще не присоединились к ним Артур и его проводница.

Артур между тем имел случай рассмотреть лицо и наружность швейцарского помещика, который, как я уже говорил, представлял смесь старинной простоты с какой-то грубой величавостью, которые выразились в его мужественной и непринужденной осанке. Одежда его мало отличалась своим покроем от платья молодой девицы, нами описанного. Она состояла из верхнего платья, сшитого наподобие нынешней рубахи, с отверстием только на груди и надетого поверх нижнего полукафтання. Но это верхнее платье было гораздо короче, чем у девушки, и доходило до колен, подобно юбкам у горных жителей Шотландии. Обувь наподобие сапог, поднимавшаяся выше колен, завершала его одеяние. Шапка из куньего меха, украшенная серебряной бляхой, единственная из всего его наряда представляла собой некоторое убранство; широкий пояс, охватывавший стан его, был сделан из буйволовоy кожи и затягивался большой медной пряжкой.

Однако ж вся наружность человека, носившего такой скромный наряд, который, казалось, весь состоял только из шерсти горных овец и из меха убитых на охоте зверей, внушала к нему уважение везде, где он ни являлся, особенно в те воинственные времена, когда о людях судили по впечатлению силы, производимому ими внешне. Те, кто смотрел на Арнольда Бидермана с этой точки зрения, видели в нем рост и мощные члены, широкие плечи и резко означенные мускулы Геркулеса. Но обращавшие более внимания на прозорливые черты его лица, на открытое чело, большие голубые глаза и решитель-

ность, в них отразившуюся, находили в нем нечто сходное с мифическим царем богов и людей. Окруженный множеством сыновей и молодых родственников, он шел посреди них, принимая от них как должное знаки уважения и покорности, подобные тем, которые стадо оленей оказывает тому, кого признало вожаком своим.

Между тем как Арнольд Бидерман разговаривал на ходу со старшим из чужестранцев, молодые люди, казалось, очень пристально посматривали на Артура и время от времени задавали Анне вполголоса вопросы, на которые она отвечала коротко и с нетерпением, чем, однако, только более возбуждала веселость, которой горные жители предавались с такой свободой, что молодой англичанин не мог не подумать, будто они смеются на его счет. Досада чувствовать себя предметом насмешек нисколько не уменьшалась от понимания, что эти люди точно так же обошлись бы со всяким, кто не в состоянии пройти по краю пропасти столь же твердо и неустрашимо, как по городской улице. Быть осмеянным, хотя и вовсе без причины, всегда неприятно, но в особенности тягостно молодому человеку в присутствии прекрасного пола. Однако ж Артур несколько утешал себя мыслью, что молодая девица, не разделяя этих шуток, казалось, взорами и словами упрекала своих спутников за их невежливость; хотя и опасался, не происходит ли это из одного только человеколюбия.

«Она так же должна презирать меня, — подумал молодой Филипсон, — хотя учтивость, неизвестная этим деревенским неучам, и заставляет ее скрывать свое пренебрежение под видом сострадания. Она не может судить обо мне иначе, как только по тому, что она видела, но если б она меня лучше знала, — не без гордости мысленно добавил он, — то, конечно, больше стала бы уважать меня».

Войдя в жилище Арнольда Бидермана, путешественники нашли в большой зале, служившей и столовой, и гостиной, приготовления к обеду, хотя простому, но изобильному. Вокруг по стенам висели земледельческие орудия и снаряжение для охоты; но взоры старшего Филипсона устремились на кожаные латы, на длинный тяжелый бердыш и на двуручный меч, которые были развешаны в виде трофеев. Близ оных висел покрытый пылью, невычищенный и словно позабытый шлем с забралом, какие в те времена носили рыцари и воины. Золотой венчик в виде короны, его украшавший, хотя и почернел без должного ухода, но все же свидетельствовал о благородном происхождении и знатном сане владельца сего шлема, а сидя-

ший наверху его ястреб (из рода тех, которые дали свое имя старому замку и прилежавшей к нему скале) вызвал разные догадки в голове английского гостя, который, зная почти в совершенстве историю швейцарских возмущений, нимало не усомнился, что это вооружение — трофеи древних войн, происходивших между жителями этих гор и феодальным владельцем, которому они некогда принадлежали.

Приглашение к гостеприимному столу прервало размышления английского купца; и многочисленное общество, составленное без различия из всех живших под кровлей Бидермана, село за изобильную трапезу, состоявшую из баранины, рыбы, разного рода молочных блюд, сыра и мяса диких коз. Сам хозяин потчевал гостей с большим радушием и непринужденностью, прося чужестранцев доказать своим аппетитом, что они так довольны его угощением, как бы он того желал. В продолжение обеда он разговаривал со старшим Филипсоном, между тем как сидевшие за столом молодые люди и служители ели скромно и в молчании. Прежде чем обед закончился, кто-то прошел мимо большого окна, освещающего столовую, что, казалось, произвело сильное впечатление на тех, кто это заметил.

— Кто там прошел? — спросил старый Бидерман у сидевших напротив окна.

— Наш двоюродный братец Рудольф фон Донергугель, — торопливо отвечал один из Арнольдовых сыновей.

Эта новость, по-видимому, доставила большое удовольствие всем бывшим тут молодым людям, и в особенности сыновьям ландамана, между тем как глава, семейства сказал только спокойным голосом, исполненным достоинства:

— Милости просим — пригласите сюда вашего двоюродного брата.

Двое или трое из сыновей его тотчас встали, словно стараясь раньше других принять нового гостя. Это был молодой человек высокого роста, стройный и ловкий, с густыми темно-русыми волосами, и с усами того же цвета, даже почти черными. Шляпка на голове его была слишком мала, чтобы полностью закрывать оную, из-за множества курчавых волос, и потому он носил ее набекрень. Одежда его была того же самого вида и покроя, как на Арнольде, только из гораздо более тонкого сукна, сотканного в Германии, и была богато, затейливо украшена. Один из рукавов его был темно-зеленого цвета и искусно обложен галунами и расшит серебряными узорами, между тем как остальная часть одежды была алая. За поясом, расшитым золотом и стянутым вокруг стана, был заткнут кинжал с серебряной рукояткой.

Рудольф Донерггель

Наряд его завершали сапоги, длинные носы которых были загнуты вверх по средневековому обычаю. На золотой цепи, надетой на шею, висел большой медальон того же металла.

Этот молодой щеголь был тотчас окружен сыновьями Бидермана, почитавшими его, как казалось, образцом, которому должна была во всем подражать швейцарская молодежь и походке, одежде, манерам и мнениям которого в точности следовали все, желавшие соответствовать господствовавшей моде, коей его признавали законодателем, не имеющим себе соперников.

Артуру Филипсону, однако ж, показалось, что двое из присутствовавших оказывали этому молодому человеку менее знаков уважения, чем те, которыми единодушно осыпала его быв-

шая тут молодежь. По крайней мере, сам Арнольд Бидерман без особого энтузиазма приветствовал молодого бернца, ибо Рудольф был тамошний уроженец. Молодой человек, вынув из кармана запечатанный пакет, вручил его ландаману с изъяснением глубочайшего уважения и, казалось, ожидал, что Арнольд, распечатав бумаги и прочитав их содержимое, скажет ему на этот счет несколько слов. Но патриарх удовольствовался тем, что пригласил его садиться и разделить с ними трапезу, вследствие чего Рудольф занял место подле Анны Гейерштейнской, которое ему вежливо уступил один из Арнольдовых сыновей.

Наблюдательный молодой англичанин также заметил, что вновь пришедший, сев подле девушки, оказывал ей всевозможные знаки внимания, стараясь больше понравиться и не торопясь приниматься за предлагаемые ему блюда, но был принят с явной холодностью этой молодой девицей. Артур видел, что Рудольф спросил у нее что-то потихоньку, взглянув на него. Анна дала ему очень короткий ответ, но один из молодых Бидерманов, сидевший по другую сторону, вероятно, был более словоохотлив, потому что оба молодых человека начали смеяться, а красавица смутилась и с досады покраснела.

«Когда бы мне попался один из этих горцев, — подумал молодой Филипсон, — на ровной дерновой площадке шагов в десять пространства, если только возможно найти в этих землях такой величины ровное место, то я бы отбил у них охоту шутить и не доставил бы им к тому повода. Мне столько же удивительно видеть этих грубых неучей под одной кровлей с такой вежливой и любезной девицей, как если б один из мохнатых медведей пошел плясать с подобной ей красавицей. Впрочем, какая мне нужда так много заботиться о ее красоте и об их образованности, когда завтра поутру я должен буду навсегда с ними расстаться».

Между тем как эти размышления представлялись уму молодого гостя, хозяин дома потребовал вина и, пригласив двух чужестранцев выпить по большому бокалу из кленового дерева, послал такой же кубок Рудольфу Донергугелю.

— Выпей, племянник, — сказал он ему, — хоть я и знаю, что ты привык к вину более вкусному, чем то, которое сделано из полусозревших гейерштейнских лоз. Поверите ли, сударь, — продолжал он, обращаясь к Филипсону, — что в Берне есть люди, которые выписывают себе вино из Франции и Германии?

— Дядюшка это осуждает, — возразил Рудольф, — но не все места так счастливы, чтобы иметь виноградники, подобные

гейерштейнскому, который производит все, чего только могут пожелать глаза и сердце.

Говоря это, молодой человек взглянул на свою прелестную соседку, которая притворилась, будто бы не поняла этого значения его слов, между тем как посланный из Берна продолжал:

— Но наши зажиточные граждане, имея лишние деньги, не считают безрассудством променять их на стакан вина повкуснее того, которое родится у нас в горах. Мы будем более бережливы, когда приберем к рукам бочки бургундского вина, которое нам ничего не будет стоить, кроме перевозки.

— Что ты этим хочешь сказать, Рудольф? — спросил Арнольд Бидерман.

— Мне кажется, почтенный дядюшка, — отвечал бернец, — что из врученных мною бумаг вы уж знаете, что Союз наш, вероятно, объявит войну Бургундии.

— А! Так тебе известно содержание моих писем? — вскричал Арнольд. — Новое доказательство того, как времена переменялись в Берне и в нашем Швейцарском сейме. Неужели все наши седовласые граждане перемерли, когда принуждены призывать безбородых юнцов на совещания?

— Бернский сенат и Народный совет, — сказал молодой человек, несколько смутившись и желая оправдать слова свои, — дозволяют молодым людям узнавать их определения, ибо ими последние исполняются. Голова, которая размышляет, может ввериться руке, которая разит.

— Но не прежде, как наступит минута для поражения, молодой человек, — произнес Арнольд Бидерман строгим голосом. — Что это за советник, который нескромно объявляет тайны государственных дел в присутствии женщин и чужестранцев? Ступай, Рудольф, и вы, молодые люди, займитесь играми, которые больше могут принести пользы вашему отечеству, чем рассуждения о мерах, им предпринимаемых. А ты, молодой человек, останься, — продолжал он, обращаясь к Артуру, который также встал, — это тебя не касается, ты не привык ходить по горам, и тебе нужен отдых.

— С позволения вашего, сударь, это несправедливо, — сказал Филипсон. — Мы в Англии вообще полагаем, что самый лучший отдых от усталости есть какое-либо другого рода движение; так, например, верховая езда доставляет лучший отдых человеку, уставшему от ходьбы, чем пуховая постель. И потому, если молодые люди позволяют, то сын мой примет участие в их играх.

— Он вряд ли найдет в них по себе товарищей, — отвечал швейцарец, — но, впрочем, как вам угодно.

Согласно с этим распоряжением, молодые люди вышли на лужайку перед домом. Анна Гейерштейнская и еще несколько женщин из домочадцев сели на скамью, для того чтобы судить, кто окажется более успешен, и двое стариков, оставшихся в доме, скоро услышали шум, восклицания и громкий смех молодых людей, начавших свои игры. Хозяин дома, взяв бутылку с вином, наполнил бокал своего гостя, а остатки вылил себе.

— В те лета, почтенный чужестранец, — сказал он, — когда кровь стынет и чувства тупеют, умеренное употребление вина

оживляет воображение и развязывает члены. Однако ж я бы пожелал, чтобы Ной никогда не сажал винограда, видя в последние годы своими собственными глазами, как мои земляки, подражая немцам, упивались вином и, уподобляясь скотам, становились неспособными чувствовать, мыслить и двигаться.

— Этот порок, — сказал англичанин, — как я заметил, входит в обыкновение в вашей стране, где, как я слышал, сто лет назад он вовсе был не известен.

— Правда, — отвечал швейцарец, — тогда у нас очень мало делали вина и никогда его не привозили; ибо никто не имел средств покупать себе того, что не родилось в наших долинах. Но войны и победы доставили нам богатство вместе со славой; а по моему смиренному мнению, нам бы лучше обойтись без того и без другого, если б только мы с тем вместе не приобрели

себе свободы. Впрочем, есть определенная польза в том, что торговля иногда приводит в наши уединенные горы какого-нибудь умного путешественника, подобного вам, почтенный мой гость, ибо из разговоров ваших я вижу, что вы человек, одаренный прозорливостью и рассудительностью; хотя мне очень не нравится беспрестанно возрастающая склонность к ничтожным безделкам, которые вы, господа купцы, к нам привозите. Однако ж вынужден признать, что мы, простые горные жители, гораздо больше сведений получаем благодаря людям, подобным вам, нежели смогли бы узнать иначе. Вы отправляетесь, как вы мне сказывали, в Базель, а оттуда в лагерь герцога Бургундского?

— Точно так, мой достойный хозяин, — сказал купец, — если бы я только мог безопасно свершить мою поездку.

— Ваша безопасность, любезный гость, может быть совершенно обеспечена, если вы согласитесь повременить здесь два или три дня; я сам поеду по той же дороге и с таким прикрытием, которого будет достаточно, чтобы оградить нас от всяких опасностей. Вы найдете во мне надежного и верного проводника, а взамен того вы мне сообщите разные сведения о других странах, о которых мне необходимо узнать больше, чем я знаю. Итак, дело слажено?

— Предложение ваше слишком для меня выгодно, чтобы я стал от него отказываться, — ответил англичанин, — но могу ли я спросить о цели вашего путешествия?

— Я только что сделал выговор этому молодому человеку, — отвечал Бидерман, — за то, что он говорил о делах общественных без осторожности и в присутствии целого семейства; но от такого благоразумного человека, как вы, бесполезно было бы скрывать полученные мной известия, тем более что вы скоро узнали бы о них по слухам. Вам, конечно, известна взаимная ненависть, существующая между Людовиком XI, королем Французским, и Карлом, герцогом Бургундским, которого называют *Смелым*. Как я понял из вашего разговора, вы видели обе эти страны и, вероятно, знаете различные причины распрей, которые, независимо от личной ненависти этих двух государей, делают их непримиримыми врагами. Людовик, с которым никто в свете не сравнится в искусстве хитрости, употребляет все средства, раздавая значительные суммы денег некоторым из советников наших бернских соседей, внося сокровища даже в казначейство этой области, возбуждая корыстолюбие стариков и подстрекая пылкую храбрость молодых

людей, чтобы только вовлечь бернцев в войну с герцогом. Карл, с другой стороны, поступает, по своему обыкновению, точно так, как мог бы того желать Людовик. Наши бернские соседи и союзники не довольствуются, подобно нам, жителям лесных кантонов, тем, чтобы заниматься скотоводством и хлебопашеством; они ведут значительный торг, которому герцог Бургундский неоднократно чинил препятствия, допуская поборы и насилие в отношении своих вассалов в пограничных городах, что и вам, без сомнения, известно.

— Точно так, — отвечал купец, — их все вообще считают притеснителями.

— И потому вам не покажется удивительным, что, склоняемые одним из этих государей и притесняемые другим, гордясь нашими прежними победами и желая еще увеличить свое влияние, Берн и городские кантоны нашего Союза, представители которых по богатству своему и образованности всегда имеют больше веса в Совете, чем мы, лесные жители, расположены к войне, посредством которой республика до сих пор всегда приобретала победы, богатство и расширение пределов.

— Так, почтенный хозяин, и прибавьте еще к тому славу, — заметил Филипсон, прерывая его с некоторым воодушевлением. — Янисколько не удивляюсь, что храбрые юноши ваших кантонов желают опять войны, после того как их прежние победы были столь блистательны и знамениты.

— Вы не слишком благоразумный купец, любезный гость мой, — отвечал хозяин, — если считаете успех, приобретенный в отчаянном подвиге, достаточным поводом к новой опрометчивости. Мы бы могли извлечь более пользы из прежних наших побед. Когда мы сражались за свободу, Бог благословил наше оружие; но сделает ли Он то же, когда мы станем драться для приобретения новых земель или за золото Франции?

— Ваше сомнение основательно, — ответил купец более спокойным тоном, — но должно иметь в виду, что вы обнажаете меч с тем, чтобы положить конец неправедным притеснениям Бургундии.

— Послушайте, дорогой друг, — отвечал швейцарец, — конечно, мы, жители лесных кантонов, не очень заботимся об этих торговых делах, которые так сильно занимают бернских граждан. Однако ж мы не оставим наших соседей и союзников в справедливом противостоянии; и почти уже решено, чтобы

от нас были отправлены уполномоченные к герцогу Бургундскому требовать удовлетворения. Главный Совет, собравшийся теперь в Берне, желает, чтобы я был в числе составляющих это посольство; и вот цель путешествия, в котором я приглашаю вас мне сопутствовать.

— Мне было бы очень приятно ехать в вашем обществе, почтенный хозяин, — сказал англичанин, — но как честный человек признаюсь вам, что по осанке вашей и наружности вы больше походите на вестника войны, чем на посланника мира.

— Я бы также мог сказать, — возразил швейцарец, — что ваш разговор и чувства скорее отзываются мечом, чем аршином.

— Я привык владеть мечом, милостивый государь, прежде чем взял аршин в руки, — отвечал ему Филипсон, улыбаясь, — и вполне может быть, что я все еще пристрастен к прежнему моему ремеслу более, чем дозволяет благоразумие.

— Я так и думал, — сказал Арнольд, — но вы, верно, сражались под знаменами вашего отечества против чужестранных врагов его; а в таком случае я готов согласиться, что война имеет в себе нечто, возвышающее душу, заставляющее забывать бедствия, причиняемые ею с той и с другой стороны существам, сотворенным по образу Божию. Но распря, в которой я участвовал, не имела такого благовидного предлога. Это была несчастная цюрихская война, когда швейцарцы вонзали свои копья в грудь своих единоплеменников, где просили пощады и отказывали в ней на одном и том же родном языке горцев. Таких ужасных воспоминаний ваши войны, верно, вам не оставляют.

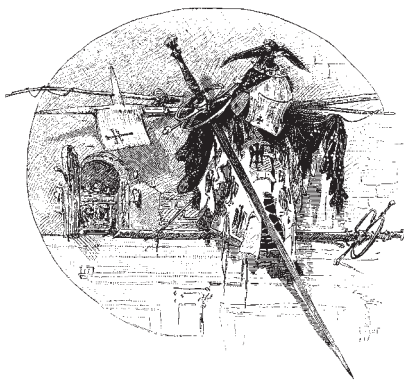
Купец опустил голову и приложил руку ко лбу, как человек, в котором вдруг пробудились самые тягостные мысли.

— Увы! — сказал он. — Вы растреваете жестокую рану вашими словами. Какой народ может знать о бедствиях Англии, не испытав их на себе! Какие глаза могут оценить их, если они сами не видали страны, раздираемой раздорами двух ожесточенных партий; сражений, происходивших во всех областях; долин, покрытых трупами, и эшафотов, обогранных кровью! Даже в ваших мирных долинах вы, вероятно, слышали о междоусобицах Англии?

— Мне помнится, — сказал швейцарец, — что Англия лишилась своих владений во Франции вследствие кровавых внутренних раздоров, продолжавшихся несколько лет за цвет розы — не так ли? Но ведь они уж кончились?

— До сих пор кажется, что так, — отвечал Филипсон.
Между тем как он говорил, кто-то постучал в дверь.

— Войди, — сказал хозяин дома; дверь растворилась, и престелная Анна Гейерштейнская вошла с поклоном, которым обыкновенно молодые люди изъявляли свое уважение к старшим в этих пастушеских странах.

ГЛАВА IV

расавица подошла с полустыдливым и полустепенным видом, который так приличен молодой хозяйке, когда она одновременно и чувствует гордость, и стыдится важных обязанностей, которые ей предстоит исполнить, и шепнула своему дяде что-то на ухо.

— Разве эти ленивцы не могли сами исполнить своего поручения — отчего они сами не пришли просить, а послали тебя? Если б это было что-нибудь дельное, то сорок голосов прожужжали бы мне все уши, — так нынче скромна швейцарская молодежь.

Анна наклонилась и опять начала шептать ему на ухо, между тем как он с нежностью перебирал ее кудрявые волосы.

— Бутишольцкий лук? Милая моя! — вскричал он наконец. — Полагаю, эти молодые люди не сделались сильнее с прошедшего года, когда никто из них не мог его натянуть! Впрочем, вот он висит вместе с тремя его стрелами. Кто же этот храбрец, который берется за то, чего он, верно, не в состоянии будет выполнить?

— Сын этого господина, дядюшка, — сказала девица. — Будучи не в состоянии одержать верх над моими братьями в беге, прыжках и метании камней, он вызывает их прокатиться верхом и натянуть длинный английский лук.

— Ездить верхом, — сказал почтенный швейцарец, — трудно там, где нет лошадей, а если б они и были, то нет места для скачки. Но английский лук мы ему сыщем, потому что у нас он есть. Отнеси его с тремя стрелами, племянница, этим молодым людям и передай им от меня, что тот, кто его натянет, сделает

больше, чем могли сделать Вильгельм Телль и знаменитый Вернер Штауффахер.

Между тем как Анна снимала лук со стены, где он висел среди другого оружия, прежде замеченных Филипсоном, английский купец сказал, что если барды дозволяют такое занятие красавицам, то не иначе как с тем, чтобы это был лук слепого божка Купидона.

— Оставим этого слепого божка, — сказал Арнольд с живостью, но в то же время улыбаясь, — нам уж довольно надоедали своими дурачествами барды и странствующие певцы с тех пор, как эти бродяги узнали, что они могут клянчить у нас деньги. Швейцарская девушка не должна петь ничего, кроме баллад Альберта Ишуди и веселой песни, сочиненной для выгона коров на наши горные пажити и для загона их домой.

Между тем как он говорил, Анна сняла лук длиной более шести футов, с тремя большими стрелами, для удержания которого требовалась необыкновенная сила. Филипсон попросил позволения взглянуть на это оружие и внимательно рассмотрел его.

— Какое славное дерево, — сказал он, — я знаю в этом толк, ибо в мое время мне часто случалось держать в руках такие луки; в Артуровы лета я так же легко бы натянул его, как ребенок сгибает ивовый прутик.

— Мы слишком стары, для того чтобы хвастать подобно молодым людям, — сказал Арнольд Бидерман, бросив на своего гостя неодобрительный взгляд. — Анна, отнеси этот лук своим братьям и скажи им, что тот, кто его натянет, победил Арнольда Бидермана.

Говоря так, он взглянул на худощавое, но жилистое тело англичанина и потом посмотрел на свои здоровые, мощные члены.

— Вспомните, любезный хозяин, — сказал Филипсон, — что владение оружием зависит менее от силы, чем от искусства и ловкости в руках. Больше всего меня удивляет то, что я здесь вижу лук, сделанный Мэтью Донкастром, который жил, по крайней мере, сто лет тому назад и прославился крепостью и силой делаемого им оружия, а особенно луков, которые нынче с трудом может натянуть даже и английский стрелок.

— Каким образом вы узнали имя мастера, почтенный гость? — спросил швейцарец.

— По знаку, который он ставил на всем сделанном им оружии, — отвечал англичанин, — и по его инициалам, вырезанным на луке. Я немало дивлюсь, что нахожу здесь такое оружие и так хорошо сохранившееся.

— Этот лук всегда натирали воском, маслом и содержали в порядке, — сказал ландаман, — потому что его сохраняют как трофей достопамятной победы. Вам не очень будет приятно слышать повествование об этом дне, ибо он был пагубен для вашего отечества.

— Мое отечество, — сказал англичанин с равнодушием, — так много одержало побед, что сыны его могут, не краснея, слышать о каком-нибудь одном поражении. Но я не знал, что англичане воевали в Швейцарии.

— Не целой армией, — отвечал Бидерман, — но при жизни моего деда случилось, что многочисленный отряд, составленный из людей разных национальностей, главным образом из англичан, норманнов и гасконцев, совершил набег на Ааргау и соседние области. Они находились под предводительством славного воина по имени Ингельрам де Куси, который имел какие-то претензии против герцога Австрийского, для удовлетворения которых он без разбора начал опустошать и австрийские владения, и земли нашего Союза. Воины его были наемные, — они называли себя вольными дружинами, — казались не принадлежавшими ни к какой земле и были столь же храбры в битвах, сколь жестоки в грабежах своих. Прекратившаяся на некоторое время всегдашняя вражда между Францией и Англией оставила без дела большую часть этих войск, и так как война была их стихия, то они пришли искать ее в наших долинах. Воздух пылал блеском их оружия, и солнце затмил полет их стрел. Они много причинили нам вреда, и мы проиграли несколько сражений. Но наконец мы сошлись с ними при Бутишольце, и кровь многих благородных всадников смешалась с кровью коней их. Высокий холм, покрывающий кости человеческие и лошадиные, еще и теперь называется Английской могилой.

Филипсон пребывал в безмолвии минуту или две, после чего произнес:

— Пусть они покоятся с миром! Если они были виновны, то заплатили за то своей жизнью; больше этой платы нельзя требовать от человека за его проступки. Упокой, Господи, их души!

— Аминь! — произнес Бидерман. — А также и всех прочих храбрых мужей. Дед мой участвовал в этом сражении и дрался, как следует доброму воину; с тех пор этот лук тщательно сохраняется в нашем семействе. Насчет него есть пророчество, но я считаю оное не заслуживающим внимания.

Филипсон хотел было подробнее его расспросить, но он был прерван громким криком изумления, раздавшимся снаружи.

— Надо посмотреть, что там творят эти молодые повесы, — сказал Бидерман. — Нынче у нас все делается не так, как в прежние времена, когда молодые люди не смели ни о чем судить, не узнав мнения стариков.

Арнольд Бидерман вышел из дому, сопровождаемый своим гостем. Все, бывшие свидетелями игр молодых людей, одновременно говорили, кричали и спорили; между тем как Артур Филипсон стоял на некотором расстоянии от прочих, равнодушно опершись на спущенный лук. При появлении ландамана все умолкло.

— Что значит этот необыкновенный шум? — спросил тот, возвысив голос, которому все привыкли внимать с почтением. — Рюдигер, — прибавил он, обращаясь к старшему своему сыну, — натянул ли молодой чужестранец этот лук?

— Натянул, батюшка, — отвечал Рюдигер, — и попал в цель. Сам Вильгельм Телль не дельвал таких трех выстрелов.

— Случай, просто случай! — сказал молодой швейцарец из Берна. — Никакая человеческая сила не в состоянии того сделать; а тем более слабый юноша, не имевший успеха ни в чем, за что он до этого ни брался.

— Но что же он сделал? — спросил Бидерман. — Только не отвечайте все вдруг! Анна, ты умнее и рассудительнее всех этих повес — скажи мне, что произошло?

Молодая девушка несколько смутилась от этого вызова, однако ж, собравшись с духом, отвечала, потупив взгляд:

— Целью был, как у нас водится, голубь, привязанный к шесту. Все молодые люди, исключая чужестранца, стреляли в него из луков, но не могли попасть. Принеся сюда бутишолецский лук, я сперва предложила его моим родственникам, но никто из них не хотел его принять, говоря, что если вы, почтенный дядюшка, не в состоянии были натянуть его, то, уж конечно, им того не сделать.

— Они умно говорили, — отвечал Арнольд Бидерман, — но чужестранец натянул ли лук?

— Натянул, дядюшка, но, написав прежде что-то на бумажке, он положил ее мне в руку.

— И, выстрелив, он попал в цель? — продолжал удивленный швейцарец.

— Сперва, — сказала девушка, — он сдвинул шест на сорок саженей дальше, чем он стоял прежде.

СОДЕРЖАНИЕ

Часть первая	5
Часть вторая	105
Часть третья	202
Часть четвертая	303
Часть пятая	421